

Цао
Сюэ-
Цинь

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

Том 1

Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями

Цао Сюэцинь

Сон в красном тереме. Том 1

«ЭКСМО»

1763-1791

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

Сюэцинъ Ц.

Сон в красном тереме. Том 1 / Ц. Сюэцинъ — «Эксмо»,
1763-1791 — (Подарочное издание. Знаменитая классика с
иллюстрациями)

ISBN 978-5-04-226073-5

«Сон в красном тереме» – наиболее популярный из четырёх классических романов на китайском языке. Это многоплановое повествование об упадке двух ветвей семейства Цзя, на фоне которого – помимо трёх поколений семейства – проходит бесчисленное множество их сродников и домочадцев. Роман позволяет погрузиться в повседневность Цинской державы XVIII века, в том числе заглянуть в такие уголки старокитайской жизни, о которых не сохранилось больше никаких сведений. Автор естественно и живо изобразил и описал многоликую социальную жизнь того времени, создал целый ряд типических характеров. Он искусно обрисовывает образы персонажей, сталкивающихся с противоречиями повседневной жизни, в соответствии с их положением в обществе и статусом, а также умело оттеняет внутренние переживания героев с помощью художественной обстановки. В романе раскрывается истинная социальная подоплека постепенного распада феодального общества в поздний период его существования, находят отражение требования эпохи об освобождении личности и равенстве людей в правах, а также зачатки демократического духа. В первый том вошла вступительная статья Л. Н. Меньшикова и первые шестьдесят глав романа.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-226073-5

© Сюэцинъ Ц., 1763-1791

© Эксмо, 1763-1791

Содержание

Китайский роман и «Сон в красном тереме»	7
Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы	19
Эпоха великих романов	19
«Сон в красном тереме» и его автор Цао Сюэ-цинь	22
Открытия XX века и судьба романа	26
«Сон в красном тереме» в России и Европе	30
Глава первая,	32
Глава вторая,	45
Глава третья,	53
Глава четвертая,	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Цао Сюэцинь
Сон к красном тереме. Том 1

Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2025

Китайский роман и «Сон в красном тереме»

В великом и бесценном литературном наследии китайского народа, истоки которого уходят в глубокую древность, нашли свое яркое художественное воплощение своеобразие и особенности его могучих моральных сил, его ума и духовного склада, стремление к свободе и справедливости.

На протяжении почти четырехтысячелетнего существования огромного китайского государства в нем сменялись различные социально-экономические формации. В процессе этих исторических перемен коренным образом изменялись общественные условия жизни и производственные отношения.

С развитием общества изменялись социальные взаимоотношения между людьми, повышалось их сознание, росли духовные силы, усложнялось мировоззрение. Сложные сдвиги и перемены в материальной и духовной жизни китайского народа в значительной степени сказывались на развитии и формировании художественной литературы, на отображении в литературе социальных взглядов людей, на классовой природе литературных произведений, на процессе развития различных литературных явлений, жанров, стилей.

Важной особенностью китайской литературы, развитие которой со времени ее возникновения и до наших дней следует рассматривать в известном смысле как единое целое, является строгая преемственность в ее формировании, сила традиции.

Живой, творческий дух марксизма ведет беспощадную борьбу со всем враждебным и идейно чуждым, но проявляет заботливое, бережное отношение к историческому и культурному наследию, к достижениям передовой человеческой мысли, ко всему ценному и полезному, что было создано ранее в области культуры и искусства.

Среди художественных ценностей, созданных гением китайского народа, важное место принадлежит классическому роману.

В XIV веке, на основе бытовавших в народе сюжетов, Ло Гуаньчжун, крупнейший художник слова Китая, создает исторический роман «Троецарствие»¹, выдающийся романист Ши Най-ань пишет замечательное произведение «Речные заводы»², а крупный писатель XVI века У Чэн-энь – знаменитый фантастический роман «Путешествие на Запад».

Романы, преимущественно исторического жанра, создаются на живом языке, близком к разговорному языку, воспринимаемому не только при чтении иероглифического текста грамотными, но и на слух, когда произносимый вслух иероглифический текст понятен людям, не знающим письменности, неграмотным.

I

Роман «Троецарствие» является одним из наиболее популярных и любимых в Китае произведений; ему принадлежит выдающееся место среди бессмертных творений художественного гения китайского народа. В романе изображаются события, относящиеся к III веку, когда Китай, переживая один из наиболее драматических периодов своей истории, распался на три самостоятельных феодальных царства, непрерывно воевавших между собой.

На фоне исторических битв, в которые были вовлечены массы народа и которые привели Китай к невиданному разорению, автор раскрывает различные характеры героев романа

¹ Ло Гуань-чжун, Троецарствие, Гослитиздат, М. 1951, т. 1 и 2.

² Ши Най-ань, Речные заводы, Гослитиздат, М. 1955, т. 1 и 2.

– монархов и правителей, узурпаторов и тиранов, мужественных полководцев, бесстрашных воинов.

«Троецарствие» – подлинно народное произведение, оно известно буквально каждому китайцу в городе и глухой деревне, взрослому и ребенку.

В своих работах по вопросам военной стратегии и тактики Мао Цзэдун часто приводит примеры из боевых операций, проводившихся в прошлые времена, в том числе – примеры из «Троецарствия». Так, рассматривая вопрос стратегического отступления, Мао Цзэдун упоминает знаменитое сражение между Юань Шао и Цао Цао под Гуаньду, битву между царствами У и Вэй у горы Чибя, между царствами У и Шу под Илином, когда при явном превосходстве противника более слабый сначала отступал, а затем захватывал инициативу и побеждал.

Роман «Троецарствие» выходил в Китае на протяжении сотен лет и в бесконечно многообразных вариантах. Эту книгу можно встретить и в виде старинных списков, и в виде ксилографических копий, и в виде прекрасных иллюстрированных изданий.

Десятки тысяч рассказчиков книг и чтецов постоянно выступают перед многочисленной аудиторией, часто на улице, на площади, на рынке, в чайной. Они импровизируют и пересказывают отдельные главы из «Троецарствия», их рассказы вызывают то одобрительные восклицания, то возгласы гнева и досады собравшихся. Благодаря таким рассказчикам из народа роман «Троецарствие» стал доступен самым широким слоям китайского населения, в том числе неграмотным.

В «Троецарствии» около четырехсот действующих лиц, с различными характерами и особенностями духовного склада. Рельефно и четко определена основная линия повествования: жизнь и борьба ведущих героев романа – Лю Бя, Гуань Юйя, Чжан Фэя и Чжугэ Ляна. Примечательно, что каждый из этих героев наделен индивидуальными особенностями характера, самобытными чертами, свойственными лишь ему, но всех их объединяет непоколебимая вера в высокие и благородные идеи – дух братства, дружбы и верности во всем, в большом и малом.

Талантливый писатель-реалист, Ло Гуань-чжун, обладая глубокими всесторонними знаниями исторической обстановки, разбираясь в социальных противоречиях, сложившихся в эпоху Троецарствия, с большой художественной убедительностью воссоздал картину важнейшей эпохи исторического развития китайского народа. Автору «Троецарствия» удалось заострить жгучие проблемы феодального общества, создать бессмертные образы и характеры, с присущими им глубокой человечностью, мудростью, братской верностью, пафосом. Эти образы на протяжении столетий оказывали благотворное влияние на жизнь китайского общества, имели большое воспитательное значение.

Страшную действительность с ее безудержным эгоизмом и вероломством господствующих классов писатель обличает с благородным негодованием. Правда, уже из событий, развивающихся в романе, как бы явствует, что преступления и зло не таятся в самой природе человека, а возникают в столкновениях и конфликтах между людьми, порождаются социальными условиями. Из этого и вытекает логика борьбы с социальной несправедливостью, порождаемой общественным строем с антагонистическими классами.

Роману «Троецарствие», в котором отображены действительные исторические события, принадлежит выдающееся место в сокровищнице культурного наследия китайского народа. Это произведение, оказавшее большое влияние на развитие литературного творчества в Китае, до сих пор занимает одно из наиболее почетных мест среди исторических романов.

II

Роман «Речные заводы», сюжетом для которого послужили народные сказания о повстанцах XII века, представляет собой крупнейший литературный памятник, правдиво отображающий социальную борьбу китайского народа против феодального господства.

Сюжетной канвой произведения явилось подлинное историческое событие – восстание крестьян в период Су некоей династии. Роман «Речные заводы» был создан на основе устных повествований, передававшихся из поколения в поколение.

В этом романе рисуются не только мрачные картины господства феодалов и бюрократии, но в увлекательной форме показана самоотверженная борьба бесстрашных повстанцев, поднявшихся против своих угнетателей, против произвола феодалов и помещиков. Повстанческий отряд из местечка Ляншаньбо (нынешней провинции Шаньдун), пользуясь народной поддержкой, вырастает в неустрашимую, грозную силу. Борьба повстанцев становится все активнее, они укрепляют свой лагерь, делают его неприступным. Войска, посылаемые для подавления восставших, оказываются бессильными, каждый раз терпят жестокое поражение.

В «Речных заводах» Ши Най-ань создал яркие, запоминающиеся образы героев повстанческого лагеря. С большим художественным мастерством нарисован портрет одного из главных героев лагеря Сун Цзяна, который, как свидетельствуют исторические записи, был реальной личностью. Имя Сун Цзяна является одним из наиболее популярных и почитаемых в китайском народе. О героических подвигах Сун Цзяна и его воинственных отрядов существует немало преданий, передающихся из уст в уста на протяжении столетий. В неравной борьбе эти люди проявляют высокие человеческие качества: волю к жизни, мужество и настойчивость в достижении цели, смелость перед лицом опасности, бескорыстие и преданность в дружбе.

Автор романа нашел яркие краски для создания образа бесстрашного У Суна, имя которого стало в Китае символом мужества и непобедимости. Глава романа, где изображается поединок безоружного У Суна с огромным тигром, которого У Сун на перевале Цзинянган сразил ударами своих могучих кулаков, вошла в китайские школьные учебники родной речи и хрестоматии, повсеместно исполняется народными рассказчиками, включена в репертуар мастеров художественного чтения, ставится на сцене самодеятельных театров, передается по радио

К числу незабываемых образов романа «Речные заводы» относится также герой рыцарской силы, ловкий и отчаянный Лу Да, воплощение бесстрашия и мужества.

Роман «Речные заводы» относится к лучшим творениям китайской художественной прозы по широте замысла, гуманизму, по своему общественному значению и своеобразию языка.

III

Роман «Путешествие на Запад» возник на основе изучения У Чэн-энем богатой китайской литературы о путешествиях и географических исследованиях. Однако, обращаясь к историческим хроникам и описаниям, известным по сохранившимся документам «Четырех путешествий», «Путешествия на Север», «Путешествия на Запад», У Чэн-энь облекает повествование в форму сказочных приключений героев; он использует многочисленные народные сказания, связанные с паломничеством в VIII веке танского монаха Сюань Чжуана, или Сюань Цзана, в Индию за «священными книгами». Эти легенды об удивительных похождениях Сюань Чжуана, обогащенные неистощимой фантазией народных рассказчиков, составляют сюжетную основу романа. Примечательно, что в образе главного героя «Путешествия на Запад» У Чэн-энь рисует не монаха Сюань Чжуана, а его верного спутника – Сунь У-куна, «царя обезьян», наделив его волшебной силой и даром перевоплощения. Сунь У-кун в романе, как и в представлении народа, является олицетворением проницательности, негибимой воли, настойчивости, неистощимой энергии, поразительной ловкости, гуманности и чувства юмора. Сунь У-кун неизменно помогает Сюань Чжуану успешно справляться со всеми трудностями и препятствиями на пути в Индию. Сунь У-кун смело бросает вызов всемогущим духам – ненавистным народом злым силам земного и потустороннего мира. Оказавшись в небесном царстве, Сунь

У-кун приводит в смятение весь сонм богов, сговорившихся подкупить его, и из сражения с разъяренным воинством небесного владыки выходит победителем.

Несмотря на буддийскую философскую окраску, которая в значительной мере определена историческими условиями, реалистическое восприятие автором действительности утверждает острую сатирическую, антиклерикальную направленность романа. В этом причина огромной популярности романа на протяжении трех с половиной веков (самый ранний из сохранившихся списков романа датируется 1592 годом).

Китайские исследователи романа утверждают, что в лице небесных божеств У Чэн-энь высмеял земных владык, а самим романом выразил в завуалированной форме недовольство народных масс правителями Китая в эпоху Минской династии.

Вместе с другими значительными произведениями этого периода («Речные заводы», «Цзинь, Пин, Мэй») «Путешествие на Запад» явилось победой живого народного языка «пинхуа» над господствовавшими в литературе мертвыми формами письменного стиля; роман изобилует народными поговорками, пословицами, идиоматическими выражениями, сравнениями, образами. Огромно влияние этого романа на китайскую живопись, скульптуру, театр. До сих пор со сцены лучших китайских театров не сходит опера XVIII в. «Дебош в Небесном дворце», посвященная подвигам Сунь У-куна. В 1953 году постановка этой оперы Пекинским театром была удостоена первой премии на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте.

Благодаря широкой популярности романа «Путешествие на Запад» его образы стали нарицательными. Мао Цзэдун в одной из своих работ пишет:

«Нас могут спросить: как же нам справиться с огромной военной организацией врага? В ответ мы сошлемся на пример Сунь У-куна, который победил Хозяйку Железного Веера. Хозяйка Железного Веера была злой волшебницей, но Сунь У-кун обратился в насекомое, проник ей в сердце и одолел ее»³.

Китайский роман, широко отображавший общественную жизнь различных социальных слоев китайского общества, получил заслуженное признание не только в Китае. Известна высокая оценка китайского романа академиком В. М. Васильевым, отмечавшим особую ценность этого литературного жанра как источника достоверных знаний.

«Если вы хотите познакомиться с китайской жизнью, – писал он, – до сих пор для нас замкнутой в высших сферах, то только и можете получить сведения из романа... Только роман, даже не драма, потому что она не может дать тех же подробностей, знакомит нас вполне с этой жизнью»⁴.

Причина необыкновенной популярности романа у китайского народа состоит в том, что в нем наиболее органично сочетается реалистическое, глубоко народное содержание с доступной художественной формой, берущей свое начало в фольклорном творчестве

В условиях социальной борьбы, резкого столкновения борющихся сил, идей и мировоззрений китайские романисты явились выразителями народного протеста против чудовищного гнета и несправедливости, сказали страстное слово в защиту простых людей, закрепощенных господствующими классами средневекового Китая.

Творчество китайских романистов высоко поднимало веру в людей, в простого человека, в его честность и благородство. В этом, несомненно, одна из наиболее ценных традиций китайского романа.

³ Мао Цзэдун, Избранные произведения, М. 1953, т. 4, стр. 181.

⁴ В. М. Васильев, Очерк истории китайской литературы, СПб 1880, стр. 586–587.

IV

На смену Минской династии (1368–1644), свергнутой крестьянским восстанием, приходят в Китай маньчжуры, с помощью реакционной военщины основавшие Цинскую династию (1644–1911). Начиная с XVI века, Китай переживал полосу глубокого экономического и политического кризиса. Разорение крестьянства, обнищание народных масс, антифеодальные восстания, а также бесконечные нападения кочевников расшатывали устои Минской династии.

В 20–30-х годах XVII века страну охватила волна крестьянских восстаний. В 1644 году повстанцы заняли столицу Китая Пекин. Крестьянский вождь Ли Цзы-чэн был провозглашен императором. Но китайскому крестьянству не удалось воспользоваться плодами своей борьбы – китайские феодалы предали национальные интересы и пошли на сделку с маньчжурскими завоевателями; маньчжурская армия вместе с войсками китайских феодалов захватила в 1644 году Пекин. Трудовое население Китая оказалось под двойным гнетом – китайских феодалов и чужеземной маньчжурской династии. Однако китайский народ не покорился, не прекратил борьбы против своих поработителей.

Варварские, жестокие расправы с повстанцами не могли приостановить беспрестанно вспыхивающих восстаний, в стране усилилась деятельность тайных обществ, которые боролись против господства чужестранцев. В процессе острой национальной борьбы раздается призыв ученого и поэта Гу Янь-у (1613–1682): «За процветание или гибель родины ответствен весь народ».

Императоры Цинской династии повели жестокую борьбу со всякими проявлениями свободомыслия. Стараясь привлечь неустойчивые элементы из среды интеллигенции, они жестоко расправлялись со всеми, кто осмеливался хотя бы намеком говорить о национальных чувствах китайского народа. В Китае была введена строгая цензура, многие книги были запрещены или подвергнуты уничтожению. Пытаясь ослабить сопротивление интеллигенции, цинские власти сознательно уводили китайских писателей и ученых от вопросов современности в древность, возрождали в литературе и искусстве архаику, поощряли подражание старине. Так, в период Цинской династии возникла ортодоксальная литература.

Но маньчжуры не смогли взять под свой полный контроль народную литературу, которая продолжала развиваться, неся в массы антиманьчжурские настроения.

Дальнейшее развитие получает и китайский роман. Для характеристики китайского романа времен Цинской династии особенно важно отметить сближение его с жизнью, усиление его реализма. Наибольший вклад в историю китайской литературы в этот период внесли У Цзин-цзы и Цао Сюэ-цин.

У Цзин-цзы (1701–1754) положил начало сатирическому роману в китайской литературе. Он создает роман «Неофициальная история конфуцианства», который является выражением протеста против схоластического кодекса конфуцианской морали, засилья чиновничьей бюрократии, против феодально-патриархальных устоев семьи, а также догматизма и закостенелости в литературе. В этом сатирическом произведении критикуются господствовавшие классы, жестоко обличаются чиновное сословие и конфуцианские ученые с их лицемерием, бесчестием, духовным убожеством.

У Цзин-цзы принадлежал к старинному роду ученых и администраторов. Однако он не пошел по пути своих предков. У Цзин-цзы быстро растратил доставшееся ему состояние и конец своей жизни провел в крайней нужде.

По свидетельству биографа писателя Чэн Цзинь-фана, У Цзин-цзы «с самого детства обнаруживал необычайные способности к учению».

В 1720 году, когда У Цзин-цзы исполнилось девятнадцать лет, он получил первую ученую степень, открывавшую возможность сделать чиновничью карьеру, но уже с 1736 года У Цзин-

цзы перестает являться на государственные экзамены. Он поселяется в Нанкине и целиком посвящает себя литературному творчеству.

У Цзин-цзы был крупным знатоком китайской литературы и писателем широкого диапазона. С необычайной легкостью он писал лирические стихотворения, очерки, биографические заметки, эпиграфы и поэтические произведения в жанре «фу». Однако сохранился лишь роман У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианства».

Китайские литературные источники свидетельствуют, что «Неофициальная история конфуцианства» впервые была отпечатана в период между 1768–1779 годами, почти через двадцать лет после смерти автора, одним из его друзей.

V

У Цзин-цзы писал свой роман в течение десяти лет – между 1740–1750 годами. На страницах этого произведения автор показал жизнь чиновничества своей эпохи. Главными «героями» романа являются лица, так или иначе принадлежавшие к чиновной интеллигенции, ученому сословию, большая часть жизни которого проходила в экзаменах на очередную ученую степень. Вот почему автор романа уделяет много внимания этому изжившему себя уже в те годы институту государственных экзаменов.

Однако У Цзин-цзы – не бесстрастный бытописатель. Он выступает гневным обличителем общественных пороков своего времени, крупнейшим сатириком.

В предисловии к старым изданиям романа, написанном якобы «почтенным Сяньчжаем», а по мнению современных исследователей самим У Цзин-цзы, подчеркивалось, что роман «Неофициальная история конфуцианства» является зеркалом, в котором каждый может найти собственное отражение. Положительные образы романа выведены для того, чтобы тронуть добрые чувства людей, отрицательные – чтобы предостеречь людей и заставить их задуматься.

Это предисловие свидетельствует о большом чувстве ответственности, с которым писатель относился к своему творчеству, о высоких целях, которые он перед собой ставил.

В ярких образах У Цзин-цзы запечатлел разложение феодального общества начала Цинской династии. Автор гневно обличает карьеристов в лице комментатора и составителя сборников в стиле «багу» Ма Цюнь-шана и все острие своей сатиры направляет на него и ему подобных людей, составляющих верную опору ортодоксального конфуцианства. У Цзин-цзы тонко издевается над всеми, кто олицетворяет пороки чиновничьего мира: жестокость, подлость, невежество, бездарность, лицемерие, тупость. Перед читателем проходит галерея портретов: ничтожный и тупой Мэй Цю, злые и коварные Ван и Тан, подлец и грабитель Янь и многие другие.

«Неофициальная история конфуцианства» – это эпопея, состоящая из множества широких полотен, на каждом из которых изображены десятки главных и второстепенных действующих лиц. В романе выведено около двухсот персонажей, из них почти шестьдесят являются первостепенными по своей важности.

Каждые две-три главы имеют свой круг героев, большинство из которых созданы художником. Некоторые главы носят автобиографический характер. Таким образом, действующие в романе лица были взяты автором из реальной жизни. Это раскрывает особенности творческого метода У Цзин-цзы, реалистического по своей сути, и является источником исключительной жизненности созданных им образов.

У Цзин-цзы – крупный мастер художественной прозы. Для его творческой манеры характерно двумя-тремя словами дать меткую, исчерпывающую характеристику образа или явления.

Особенностью романа является отсутствие длиннот, в нем буквально нет ни одного лишнего иероглифа. Язык У Цзин-цзы точен, лаконичен и меток. Здесь сказалась, очевидно, бога-

тая классическая традиция китайской литературы, всегда стремившейся к экономии слов, к языковой лаконичности.

Роман «Неофициальная история конфуцианства» тесно связан с китайской литературной традицией; он был подготовлен всей историей китайской литературы, обобщил ее достижения и в определенной мере подвел итог развития китайской художественной прозы за многие столетия.

На протяжении двух столетий «Неофициальная история конфуцианства» пользуется исключительной популярностью в китайском народе. Этот роман оказал сильнейшее влияние на последующее развитие китайского романа, положив начало социальному роману. Лучшие произведения китайской художественной прозы второй половины XIX и начала XX столетия были созданы под влиянием «Неофициальной истории конфуцианства». Творчество У Цзин-цзы положительно воздействовало и продолжает оказывать влияние на новую и новейшую китайскую литературу.

Китайский народ с глубоким уважением относится к памяти своего великого писателя-сатирика. Двухсотлетие со дня смерти У Цзин-цзы было широко отмечено в Китайской Народной Республике.

VI

Почти в это же время рождается еще один из замечательнейших памятников китайской литературы XVIII века, крупнейший роман «Сон в красном тереме» (или «История камня») Цао Сюэциня (1724–1764). В этом романе на фоне экономического упадка и духовного вырождения феодальной аристократии показана судьба трех поколений китайской аристократической семьи, от ее возвышения до трагического финала.

Род Цао, к которому принадлежал писатель, занимал видное положение еще с первых лет установления Цинской династии. Так, в 1663 году, когда цинский император Шэн-цзу учредил в городе Цзяннин ткацкие мастерские, продукция которых поставлялась ко двору, первым управляющим мастерских был назначен Цао Си – прадед Цао Сюэциня. Вместе с тем Цао Си занимал должность инспектора провинций южного Китая.

Пост управляющего ткацкими мастерскими был наследственным и после смерти прадеда перешел к деду Цао Сюэциня, а затем – к его отцу и братьям.

Дед Цао Сюэциня – Цао Инь, – в течение двадцати лет (1692–1712) вплоть до самой смерти занимавший эту должность, считался одним из самых крупных богачей в Китае и пользовался большим влиянием. Достаточно сказать, что император Шэн-цзу, совершивший пять поездок на юг Китая, «четыре раза останавливался в доме Цао Иня». Кроме того, Цао Инь слыл ученым и поэтом.

Цао Сюэцинь родился вскоре после смерти деда, когда должность управляющего ткацкими мастерскими занимал его отец Цао Фу. Но когда Цао Сюэциню было около четырех лет, отца сняли с должности, а в следующем году все имущество семьи Цао конфисковали; оставлена была лишь часть недвижимого имущества в Пекине, и поэтому семья Цао переселилась в Пекин. Но и здесь она подвергалась преследованиям до тех пор, пока окончательно не была разорена.

Цао Сюэцинь начал писать свой роман уже после того, как семья его разорилась. В это время он жил в лачугах на западной окраине Пекина, скитаясь с места на место, зарабатывал на пропитание продажей своих рисунков, но, несмотря на свою бедность, был преисполнен гордости за свое прошлое и, по выражению Лу Синя, «пил вино и писал стихи».

Цао Сюэцинь не успел окончить роман. Смерть единственного сына в 1763 году нанесла Цао Сюэциню тяжелый удар, вскоре он заболел и умер.

Спустя два года после смерти Цао Сюэциня его роман в рукописных списках стал расходить по Пекину.

Впоследствии к роману было написано более десятка различных «Дополнений» и «Продолжений», авторы которых пытались дать счастливую концовку роману, но их произведения не обладали высокими художественными достоинствами, поэтому вскоре были забыты.

Лишь в 1791 году роман Цао Сюэциня с «Продолжением» Гао Э, написавшим последние сорок глав, был полностью отпечатан типографским способом, и с этих пор быстро начала расти его популярность среди китайского народа.

Естественно, что части романа, написанные Цао Сюэцинем и Гао Э, значительно отличаются друг от друга как по замыслу, так и по творческому методу. В частности, Гао Э в известной степени ослабил антифеодальную направленность романа.

Несмотря на это, роман «Сон в красном тереме» принадлежит к числу выдающихся творений старой китайской литературы. Его авторы сумели на фоне жизни китайского общества XVIII века создать замечательные образы, отличающиеся тонкостью психологического анализа, глубиной и меткостью характеристик.

В основе романа – история трагической судьбы юноши Цзя Бао-юя и красавицы Линь Дай-юй, живущих в богатой и знатной семье Цзя, принадлежащей к крупной цинской аристократии.

Действие разворачивается в двух огромных дворцах – Нинго и Жунго, являющихся собственностью семьи Цзя. Старшим во дворце Нинго во время действия романа является Цзя Чжэнь, а во дворце Жунго – Цзя Шэ и его младший брат Цзя Чжэн, у которого есть сын Бао-юй и дочь Юань-чунь (Гуй-фэй), одна из жен императора.

Вопреки правилам конфуцианской морали, требовавшей, чтобы мужчины с раннего детства воспитывались отдельно от женщин, Бао-юй, находясь у своей бабушки Ши Тай-цзюнь (матушки Цзя), проводит все время со своими сестрами. Они увлекаются играми, сочинением стихов. У юноши завязывается тесная дружба с Дай-юй, хрупкой, болезненной девушкой, чувствующей себя чужой в этом доме, вынужденной жить здесь в связи со смертью своей матери, сестры Цзя Шэ и Цзя Чжэна. Дружба с годами перерастает во взаимную любовь. Бао-юй мечтает жениться на Дай-юй, но бабушка избирает ему в жены Бао-чай, двоюродную сестру Бао-юя, в которой она видит образец конфуцианских добродетелей, умение угодить всем окружающим, в противоположность Дай-юй, обладающей независимым характером.

Следует отметить, что роман пронизан религиозным учением буддизма-даосизма о бессмертии и перевоплощении душ, о бренности земного существования и греховности суетного мира. Автор пытается показать, что жизнь основных героев романа разворачивается по предопределению судьбы, записанному в реестрах бессмертной феи Цзин-хуань, и судьбу героев он в завуалированной форме описывает в стихотворениях «Сон в красном тереме», в главе пятой. Но, несмотря на свои религиозно-мистические взгляды, сказавшиеся на романе, автор, как крупный художник, неизменно остающийся верным жизненной правде, глубоко реалистично рисует образы основных членов огромной семьи Цзя, вокруг которых группируются второстепенные герои. В романе выведено несколько сот действующих лиц, и почти все они наделены точными и запоминающимися чертами характера.

Среди образов, созданных в романе, не только представители аристократии и чиновного мира, но и немало простых людей. Перед читателями предстает целая галерея слуг и служанок. Здесь Си-жэнь, верная служанка Бао-юя, отдающая все свои силы заботам о юноше и заявляющая о своем нежелании уходить от него, когда родные хотят ее выкупить; и Пин-эр, которая помогает своей госпоже Ван Си-фын (Фын-цзе) распорядиться по хозяйству и поддерживать порядок в доме, но в то же время, когда возможно, делает поблажки младшим слугам и служанкам, и многие другие.

Семья Цзя, о злоключениях которой повествуется в романе, возвысилась благодаря братьям – Цзя Юаню и Цзя Яню, получившим от императора за верную службу титулы Гунов Жунго и Нинго. Их наследники пользовались их титулами, владели огромным достоянием, получали баснословные доходы. Все они старались пожить в свое удовольствие, нисколько не заботясь о будущем. Расточительство и мотовство в конце концов привели к тому, что богатства, оставленные предками, оказались полностью растраченными. Такие крупные события, как приезд Юань-чунь, в честь которой сооружается «сад Роскошных зрелищ», или похороны Цинь Кэ-цин, наносят чувствительный удар благосостоянию семьи Цзя. На эти мероприятия расходуются десятки тысяч лян серебра, и никого это не беспокоит; каждый думает лишь об удовлетворении собственных прихотей, сорит деньгами. Основным источником богатства семьи Цзя являлась жестокая эксплуатация крестьян, которые в качестве арендной платы вносили серебро и поставляли продукты своего сельского труда. Но этого при столь расточительном образе жизни не хватало, и члены рода Цзя, пользуясь своим влиянием и могуществом, занимаются взяточничеством, вымогательством, не брезгают ростовщичеством.

Так, Цзя Шэ из дворца Жунго и Цзя Чжэнь из дворца Нинго, которые думают лишь об удовольствиях, берут взятки настолько беззастенчиво, что дело в конце концов завершается снятием их с должностей и конфискацией имущества. В противоположность им автор пытается показать Цзя Чжэна честным и неподкупным чиновником. Но противопоставляя его остальному чиновничьему миру, он обличает всю гнилость феодального строя. Так, Цзя Чжэн, назначенный сборщиком хлебного налога, пытается работать честно, не давая никому взяток и не беря сам. Но это приводит к тому, что он встречает сопротивление своих подчиненных, которые упорно не желают выполнять его приказания, в результате чего срывают поставки хлеба, и у высшего начальства складывается мнение о «нерадивости» Цзя Чжэна. Видя тщетность своих усилий, Цзя Чжэн, наконец, отказывается от борьбы и предоставляет подчиненным возможность действовать по своему усмотрению. В результате подчиненные, скрываясь за его спиной, начинают настолько злоупотреблять своей властью, что дело оборачивается против Цзя Чжэна и его снимают с должности. Этот эпизод как бы подчеркивает, что на государственной службе в те времена могли процветать лишь взяточники и казнокрады, занимавшиеся вымогательством и обманом.

Взяточничество царило не только в государственном аппарате, но и в самой семье Цзя. Фын-цзе, пользуясь своим положением в доме, под видом подарков берет взятки от слуг, пытающихся устроить своих дочерей на должности более высокооплачиваемых служанок, и даже от обедневших родственников, которые обращаются к ней, чтобы получить доходное место. Фын-цзе – женщина-делец, она коварна и жестока, хотя перед старшими и перед мужем пытается казаться добродетельной и честной. Она доводит до смерти своего дальнего родственника Цзя Жюя, вымогает деньги у всех, кто обращается к ней за помощью, даже если эта помощь выражается в простом рекомендательном письме, она подолгу задерживает выдачу жалованья служанкам, отдает их деньги в рост, а полученные на проценты деньги в свою очередь дает займы под баснословные проценты.

Таким образом, хотя в основе сюжета романа лежит трагическая любовь прекрасного юноши Цзя Бао-юя к нежной и слабой Линь Дай-юй, замысел автора выходит далеко за рамки этого сюжета. Роман «Сон в красном тереме» – великолепно написанная семейная хроника: это не только «бытовой», как его иногда называют, но и «социальный» роман в такой же степени, как и «Неофициальная история конфуцианства». Развертывая сложную картину жизни аристократической семьи, Цао Сюэцинь показывает эту жизнь в ее трагическом развитии. Все, кто так или иначе связан с семьей Цзя, находятся под гнетущим давлением конфуцианского домостроя, воплощенного в лице высшей власти – старой госпожи Цзя и верной исполнительницы ее воли – Фын-цзе.

Мы не знаем, какие мотивы заставляли Цао Сюэцинь вынести грозный приговор разлагавшейся и вырождавшейся семье Цзя. Во всяком случае, объективно автором дана убийственная характеристика жизни цинского общества XVIII века. Автор резко выступает против поругания личности в условиях средневековых общественных и семейных порядков, обличает деспотизм конфуцианской морали, доведший честных людей до самоубийства, жестокость и моральное разложение господствующего класса, разъедаемого коррупцией, развращенного роскошью и доступностью всех земных благ. Паразитизм существования семьи Цзя губит не только ее основных представителей, он роковым образом сказывается и на всей многочисленной челяди, окружающей эту семью. Уже в самом начале романа автор устами торговца-антиквара выносит приговор семье Цзя, которая «не думает о хозяйственных делах и не заботится о том, чтобы жить поскромнее».

Это обличение аристократии, гневно звучащее на протяжении всего романа, свидетельствует о том, что объективно Цао Сюэцинь стоял на антифеодальных позициях, критиковал и осуждал вырождавшуюся помещичью аристократию. Роман «Сон в красном тереме» был и остается одной из самых любимых книг китайского народа. Его герои вошли в жизнь Китая так же, как в нашу жизнь вошли герои Гоголя, Толстого, Салтыкова-Щедрина.

VII

Буржуазные исследователи романа «Сон в красном тереме» (Ху Ши, Юй Пин-бо и другие) старательно замалчивали реализм этого произведения. Стремясь скрыть от китайского народа исключительную социальную ценность романа, они все свое внимание направляли на схоластическое исследование вопроса о том, кто является прототипом образов романа, где находились те или иные места, описанные в романе, и т. д. Впервые о реализме романа в полный голос заговорил Лу Синь, однако Юй Пин-бо и его последователи игнорировали высказывания Лу Синя и продолжали схоластически анализировать роман в духе старой литературной критики. И только в наши дни благодаря усилиям литературоведов-марксистов подлинное значение романа «Сон в красном тереме» было раскрыто на страницах китайской печати, отмечавшей, что этот роман является выдающимся реалистическим произведением китайской литературы, широко отразившим жизнь своей эпохи.

В этой связи необходимо отметить важность развернувшейся в октябре 1954 года на страницах китайской печати дискуссии о романе «Сон в красном тереме».

«Сон в красном тереме», отмечает известный критик и литературовед Чжоу Ян, является одним из самых значительных памятников нашей литературы. С первого же дня своего появления он пользуется у широкого читателя вниманием и любовью. Об огромной популярности его свидетельствуют и бытующие в китайском языке крылатые слова «Грош цена всем толкам о поэзии и классике, если не касаешься «Сна в красном тереме».

В ходе дискуссии столкнулись два различных мировоззрения, два литературоведческих метода – литературоведов-прагматистов, сторонников буржуазно-идеалистических взглядов, и литературоведов-марксистов, стоящих на позициях материализма и социалистического реализма. Одним из наиболее ярких апологетов субъективно-идеалистического течения является Ху Ши, который был главарем реакционной идеологии в старом, гоминдановском Китае.

Получив образование в США и избрав своим наставником Дьюи, Ху Ши в течение многих лет выступал сторонником пресловутой теории прагматизма, стремясь оправдать господство империализма в Китае, подорвать веру китайского народа в свои национальные силы, заставить его утратить свою национальную гордость. Антипатриотические, антинародные реакционные взгляды Ху Ши, которые он широко пропагандировал в своих многочисленных работах по вопросам философии и филологии, пагубно влияли на развитие здоровых, революционных идей, на рост и формирование китайской прогрессивной интеллигенции. Бур-

жуазно-идеалистические взгляды Ху Ши оказали значительное воздействие на представителей старой китайской интеллигенции, среди которой широкое распространение получили порочные концепции «наука ради науки», «искусство ради искусства», «исследование ради исследования». Ху Ши, став на путь измены своему народу, в 1949 году вместе с Чан Кайши бежал из Китая.

Рассматривая историю китайской литературы с позиций субъективного идеализма, Ху Ши не смог дать правильной научной оценки классических произведений китайской литературы. Ярким свидетельством этого служат циничные заявления самого Ху Ши о том, что своими литературоведческими исследованиями он ставил определенную цель – борьбу с революционной идеологией.

Ху Ши отрицал борьбу классов и классовый характер литературы и в своих оценках и анализе литературных памятников пользовался сугубо формалистическим методом. Он игнорировал содержание произведения, его идейную и социальную направленность, его историческое значение и художественный метод, говоря часто лишь о форме произведения, ограничиваясь поверхностным разбором языка, оторванным от контекста, схоластическим анализом иероглифических знаков и их сочетаний. Именно отсюда проистекают его глубоко ошибочные суждения и выводы. Поэтому в романе «Сон в красном тереме», сюжет которого отражает конфликт между новыми веяниями, затронувшими определенную часть молодого поколения Китая, и устоями жизни феодальной аристократии, Ху Ши смог усмотреть лишь «праздную и пресыщенную» жизнь одной аристократической семьи, «крушение» одной из некогда знатных феодальных фамилий. Причину такого крушения Ху Ши видит в том, что в этой семье «думали только о пышно сервированном столе, о поддержании своего собственного реноме», расточительствовали, «не имея ни малейшего представления о финансовой стороне дела и не заботясь об экономии своих средств». Ценность романа Ху Ши усматривал лишь в средствах изображения, «натуралистических настолько, что они выходят за рамки заурядных».

Серьезной критике в ходе дискуссии подвергались также последователи и сторонники Ху Ши. В частности, были разоблачены порочные взгляды литературоведа Юй Пин-бо, который в течение многих лет печатал работы по изучению романа, содержащие неверные, ошибочные оценки и суждения. В 1923 году Юй Пин-бо опубликовал книгу, в которой солидаризировался с оценкой Ху Ши романа «Сон в красном тереме». В 1953–1954 годах Юй Пин-бо продолжал пропагандировать свои порочные воззрения о романе «Сон в красном тереме» в ряде опубликованных в печати статей.

VIII

В 1954 году молодые литературоведы Ли Си-фань и Лань Лин выступили со статьей, в которой с марксистских позиций подвергли критике порочные взгляды Юй Пин-бо. В статье «Жэньминьжибао» от 23 октября 1954 года, озаглавленной «Больше внимания критике ошибочных взглядов в изучении романа «Сон в красном тереме», указывалось, что критика Ли Си-фанем и Лань Лином формалистических, антинаучных воззрений Юй Пин-бо явилась первым за тридцать с лишним лет ударом по «маститым ученым» реакционной, буржуазно-идеалистической школы Ху Ши, которые, занимая господствующее положение в области изучения китайской классики, фальсифицировали историю китайской литературы, проповедовали порочные, идеалистические концепции в литературе и искусстве.

В своих исследованиях Юй Пин-бо, пользуясь методом формального анализа романа, отрицает социальное значение этого классического памятника китайской литературы, в котором утверждается неизбежность крушения паразитического общественного устройства. Юй Пин-бо считает, что автор романа в изображении событий и фактов якобы не занимает определенной позиции, придерживается некоего нейтралитета в отношении феодального общества, не

выражает своего отношения к изображаемым в книге персонажам. «Автор роптал, но не возмущался», – пишет Юй Пин-бо. Юй Пин-бо, пытаясь игнорировать созданную автором картину, правдиво отображающую реальную жизнь с ее сложными противоречиями и конфликтами, с драматическими ситуациями, глубокими человеческими чувствами, не считается с неодолимой и исторической закономерностью, непрекращающейся борьбой сил нового и старого, с тем, что на смену отживающему свой век общественному устройству приходят нарождающиеся, здоровые силы грядущего. Формалистический, субъективный подход к исследуемому литературному памятнику обусловил неспособность Юй Пин-бо, считавшего «Сон в красном тереме» лишь «автобиографической исповедью», увидеть в романе глубоко реалистическое мастерство крупнейшего художника слова Цао Сюэциня. Великое произведение, обладающее огромной обличительной силой и необыкновенной глубиной художественного проникновения в самые сокровенные тайники жизни, представляется Юй Пин-бо всего лишь сочинением, «полным вздохов о бренности существования», а основной смысл романа он видит в «разочаровании в любви и раскаянии». «Эта книга, – пишет Юй Пин-бо, – представляется мне кошмарным сном в китайской литературе, – чем больше ее изучаешь, тем больше запутываешься». Логическим выводом, к которому приводит антинаучный, субъективистский анализ Юй Пин-бо, является отрицание исторической и художественной ценности романа «Сон в красном тереме», нигилистическое отношение к национальным культурным сокровищам, принижение великого литературного наследия китайского народа. «Критика монографии Юй Пин-бо о романе «Сон в красном тереме» связана с вопросом об отношении к нашему наследию, – говорит Чжоу Ян. – Чтобы создать новую, социалистическую литературу и искусство, мы должны прежде всего дать правильную оценку нашему национальному литературному наследию, взять из него все полезное, принять его лучшие традиции и развивать их на новой основе. Критическое отношение к наследию прошлого есть отправной момент в деле строительства новой культуры. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать, чтобы буржуазные ученые и писатели, стоящие на идеалистических позициях, извращали и уничтожали подлинную ценность литературных памятников нашей родины, нигилистически опошляли их».

В результате широко развернувшейся дискуссии, в которой приняли участие многочисленные ученые, писатели, литераторы, была расчищена дорога для объективного, подлинно научного изучения романа «Сон в красном тереме» и других литературных памятников, созданных гением китайского народа, для раскрытия их идейного богатства и поэтического своеобразия, для всестороннего понимания их подлинного значения и ценности.

Следует отметить, что в результате критики профессор Юй Пин-бо изменил свои прежние суждения о романе. Это, в частности, видно из его вступительной статьи к новому китайскому изданию романа «Сон в красном тереме» 1958 года.

Выход в свет одного из шедевров классической китайской литературы – романа «Сон в красном тереме», полностью издаваемого впервые на русском языке, несомненно будет с радостным чувством встречен советским читателем, проявляющим живой интерес к культурному наследию братского китайского народа.

Н. Т. Федоренко

Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы

*«..Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой».*
А. Пушкин. Евгений Онегин

Эпоха великих романов

Роман в китайской литературе появился сравнительно поздно. Если говорить о народном, анонимном романе, родившемся из особого рода китайского сценического искусства, так сказать, театра одного актера – «рассказывания книг» (шо шу), то первые сведения о нем обнаруживаются в исторических источниках, относящихся к XII веку. Рассказчики книг «шошуды» брали какой-то хорошо известный исторический или иной сюжет – мифологический, легендарный, бытовой – и на его основе составляли сценарий. По этому сценарию они и вели свой рассказ, точно повторявший основные узлы сценария, но в промежутках оставляли место для свободной импровизации. Сохранилось несколько таких сценариев. Это довольно обширные произведения, явно рассказывавшиеся не в один прием, а за несколько вечеров.

Большинство из них – это рассказы о тех или иных периодах китайской истории, о которых в народе сложились легенды. А легенды эти, в свою очередь, были использованы рассказчиками книг. Из десятка дошедших до нас народных романов – их обычно называют словом «пинхуа» («рассказы с оценкой») – только два не могут быть строго отнесены к историческим повествованиям: «Рассказ со стихами о том, как монах Трипитака добыл сутры» и «Забытые дела годов Сюань-хэ при Великой Сун». Первый из них, хотя и кладет в основу реальное путешествие в Индию за священными книгами китайского буддиста Сюань-цзана (600–664), но изложен в совершенно фантастическом плане: это описание приключений Сюань-цзана в вымышленных странах, к реальному путешествию монаха почти не имеющих отношения.

Второй, также основанный на действительно происходивших событиях начала X века, на поверку оказывается записью легенд о бурном периоде, когда Китай (называвшийся тогда Сун) пытался – далеко не всегда успешно – отражать нашествия северных соседей чжурчжэней. Окончилось это потерей государством Сун северной части страны, где чжур-чжэни образовали свое государство Цзинь. Остальные дошедшие до нас пинхуа являются переложением событий из исторических сочинений с добавлением легенд, с этими событиями связанных.

Народный роман пинхуа в XIV веке лег в основу авторского романа, предназначенного уже не для слушателя, а для читателя, что исключает какую-либо импровизацию, но зато требует высокого словесного искусства. И действительно, китайский авторский роман явился как крупное литературное течение того периода, который – по тогдашнему названию страны – именуется обычно «периодом Мин» (1368–1644). Роман быстро отгеснил на задний план другие литературные направления этого периода (кроме, может быть, драмы), и очень часто о периоде Мин говорят, как об эпохе великих романов. Этот новый для Китая вид литературы сохранил многие черты, указывающие на его связь с народными повествованиями пинхуа. В частности, главы в романе называются «разами» («первый раз», «второй раз» и т. д.), кончается глава («раз») на самом интересном месте (совсем как в пинхуа или в современных нам телесериалах), и потом добавляется: «Хотите узнать, что было дальше, услышите в следующий раз» (или «прочтете в следующей главе»), а новая глава начинается со слов: «В предыдущий раз (в предыдущей главе) было рассказано, как...»

Народное повествование (все равно, пинхуа или новелла «хуабэнь») обычно начиналось со стихотворного введения, где рассказчик сообщал, о чем сегодня пойдет речь. Завершался рассказ стихотворным резюме большого эпизода или всего рассказа. В самом тексте описания природы и наружности героев излагались образной ритмической прозой.

Когда завершался промежуточный эпизод, давалась его оценка в виде двустишия. Все эти приемы сохранились и в авторском романе и, может быть, наиболее неопровержимо свидетельствуют о его происхождении от народного романа пинхуа.

Для китайской литературы характерен особый путь развития. Каждый из больших периодов отмечен господством какого-то направления, когда литераторы все силы устремляют главным образом на развитие и усовершенствование именно этого вида. Во время Тан (618–907) это были размеренные стихи (ши), отмеченные именами многих великих поэтов, среди которых такие, как Ли Бо, Ду Фу, Мэн Хао-жань, Ван Вэй, Бо Цзюй-и, Ли Шан-инь и многие другие. Для времени Сун (960–1279) – разностопные стихи «на мотив» (цы) и ритмическая проза публицистического или философского характера (гувэнь). Период монгольской империи Юань (1278–1367) – это «золотой век» китайской драмы. Создание кистей великих писателей, то или иное направление достигает своего апогея в свой период, а потом, не исчезая из литературного обихода и творчества литераторов, все-таки отходит на второй план, становится традиционным. Утверждается новое течение обычно усилиями одного-двух выдающихся литераторов, их творения, произведя глубокое впечатление на современников, долгое время служат потом образцом для последующих писателей, использующих возможности открытой основателями новой формы, оттачивающих ее и доводящих ее до полного выявления всех ее возможностей. Появляются произведения одно другого прекраснее. Но потом, когда возможности направления оказываются исчерпанными, бессмертные шедевры замещаются подражаниями, и направление уступает место другим формам, проходящим аналогичный путь развития.

История авторского романа в Китае начинается с двух шедевров, впитавших в себя весь опыт предшествующего жанра пинхуа. Первый из них, «Речные заводы» (Шуй-ху), принадлежит кисти Ши Най-аня, второй, «Троецарствие» (Сань-го янь), – его другу и ученику Ло Гуань-чжуну. Оба автора жили на переломе, когда иноземное монгольское государство Юань в результате народного восстания было заменено национальной империей Мин. Однако правление основателя Мин Чжу Юань-чжана (на троне в 1368–1398) оказалось жестоким и кровавым и не оправдало тех надежд, которые возлагали на нового правителя его соратники. Ши Най-ань, один из участников антимонгольского движения, отказался служить новому императору и посвятил остаток своих дней написанию романа «Речные заводы». Он не успел вполне закончить свое творение, завершил его Ло Гуань-чжун. В романе изображено восстание Сун Цзяна в начале 20-х годов XII столетия (оно, кстати, составило один из эпизодов пинхуа «Забывшие дела годов Сань-хэ»). Ши Най-ань описал лагерь благородных разбойников, бежавших от несправедливостей властей. Они организуют союз Верных и Справедливых, где все равны и где царят справедливость и доверие друг к другу. Этот утопический союз оказывается непобедимым – до тех пор, пока не идет на компромисс с императорской властью, после чего все сто восемь героев один за другим погибают. Роман «Речные заводы» стал образцом для последующих приключенческих и героических романов на несколько веков.

Второй роман – «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна – также имел своего предшественника в «Пинхуа по истории Троецарствия». Но если в народном романе главная идея – предопределение, воздаяние правителям за несправедливые дела, то роман Ло Гуань-чжуна в ряде параллельных эпизодов демонстрирует, как следует и как не следует управлять, показывает достоинства гуманного правления. Оба романа не случайно были созданы двумя друзьями и единомышленниками. В них в скрытом виде таится протест против жестокости и деспотизма новой власти империи Мин, которой авторы отказались служить. После романа «Тро-

ецарствие» было написано множество романов на исторические темы, причем к XX веку все периоды китайской истории – от падения государства Инь и установления империи Чжоу в XII веке до н. э. до провозглашения Республики в 1911 году – оказались описанными в этих исторических эпопеях, бравших за образец роман Ло Гуань-чжуна.

Таким образом, китайский роман зародился как историческая эпопея и как повествование о героях. Тем большее впечатление произвел написанный в XVI веке роман У Чэн-эня (начало XVI в. – 1582?) «Путешествие на Запад» (Си ю цзи).

Роман этот, в основу которого положено было действительное путешествие в Индию за священными книгами буддийского монаха Сюань-цзана (600–664), на самом деле представляет собой рассказ вполне легендарный о путешествии Сюань-цзана по фантастическим странам, где Сюань-цзана и его спутников – царя обезьян Сунь У-куна, бессмертного борова Чжу Ба-цзе и Монаха Песков подстерегает множество препятствий, одолеваемых только с помощью волшебной силы и при поддержке самого Будды и его посланцев. И этот роман тоже стал образцом для многих более поздних произведений, описавших фантастические путешествия в разные страны света.

После исторического, героического и фантастического романов появляется и бытовой роман «Цзинь, Пин, Мэй» (названный так по именам трех ведущих женских персонажей), предтеча реалистического направления в китайской литературе. Автор скрылся под псевдонимом Насмешник из Ланьлина. Со времени написания романа в конце XVI века до нашего времени этот псевдоним раскрыть не удалось, хотя для этого предпринималось много попыток. И это неудивительно. В романе изображены очень ярко и достоверно разложение и бесчинства богатеев и властей предрежающих с очень ясными намеками на действительные дела верхушки общества. Замечателен он еще обильными эротическими сценами, равных которым по откровенности и разнообразию нет, пожалуй, во всей мировой литературе, хотя во многих литературах мира эротика сопровождала начало реалистической струи. Потом было написано много произведений густо эротических и попросту скабрёзных, но по яркости описания быта и нравов и по великолепному языку ни одно из них не идет в сравнение с этим знаменитым романом.

Во всех четырех названных выше великих романах в той или иной степени присутствовал сатирический элемент, возраставший от романа к роману. Поэтому естественным оказалось рождение сатирического романа, во главе которого встал роман У Цзин-цзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианства» (Жу линь вай ши). Он оригинален по форме. Во-первых, автор отказался от традиционных стихотворных заставок, концовок и промежуточных описаний. Во-вторых, роман представляет собою длинную цепь самостоятельных новелл, в каждой из которых изображен представитель чиновничьих кругов, причем они, эти представители, лишь как исключение люди честные и дельные, в массе же они продажны, жадны, жестоки, невежественны, надменны, готовы на всяческие нарушения закона ради собственной выгоды.

В конце очередной новеллы-главы появляется новый персонаж, который становится ведущим в следующей новелле. Наконец, последним в цепи великих романов становится «Сон в красном тереме» – он же признается вершиной китайской литературы и одной из высочайших вершин мировой литературы вообще.

«Сон в красном тереме» и его автор Цао Сюэ-цинь

Роман «Сон в красном тереме» (Хун лоу мэн) впервые был издан в 1791 году в печатне Чэн Вэй-юаня, с двумя предисловиями самого издателя и некоего Гао Э; в романе было 120 глав, причем по предисловию было ясно, что автор романа не успел его закончить и что закончил его Гао Э. В следующем году «Сон в красном тереме» был еще дважды переиздан тем же издателем с поправками – второе издание считается каноническим текстом романа, с него перепечатывались многочисленные издания XX века, в том числе и лучшее из них 1957 года.

Роман произвел на китайскую читающую публику самое глубокое впечатление. За два века после его появления он выдержал множество переизданий – больше, чем какое-либо другое произведение китайской литературы, если, конечно, исключить главный идеологический свод – конфуцианский канон, лежавший в основе китайского классического образования. Если искать ответ на вопрос, поставленный в эпиграфе, то в Китае это, несомненно, «Сон в красном тереме». Роман собрал в себе все великие достижения предшествующей китайской литературы вообще и романа в частности. В нем есть и фантастика – предыстория легендарного толка, вещие сны и тому подобное, – но не безудержная, как в «Путешествии на Запад», а весьма тактичная, органически входящая в ткань вполне реалистического повествования. Есть и тщательные описания быта в его мельчайших деталях, и любовные, достаточно откровенные сцены – как в «Цзинь, Пин, Мэй», но за всеми этими деталями скрывается плавно и логично развивающееся повествование. Есть и критическое нелицеприятное изображение нравов как богатых людей, так и бедняков – но в большей степени в романе важны описания обычной жизни людей, их забав, радостей и горестей. В романе много стихов. Но это не заставки, концовки, во множестве встречавшиеся в более ранних романах и бывшие (кроме «Неофициальной истории конфуцианства») неотъемлемой частью композиции повествования. Стихи эти по большей части сочиняют действующие лица романа, иногда в поэтических соревнованиях, очень распространенных в старое время в Китае, иной раз на случай, иной раз, чтобы полнее выразить свои чувства – и среди стихов, ими написанных, встречаются настоящие поэтические шедевры, особенно когда их пишут два главных героя – Цзя Бао-юй и Линь Дай-юй. В целом же стихи служат не столько украшением романа, сколько помогают характеристике героев. Сюжет романа – это история расцвета и разорения большой, богатой – несметно богатой – семьи, бездумно растратившей свои богатства, что навлекает на ее членов множество бед и невзгод.

В предисловии издателя Чэн Вэй-юаня названо имя некоего Сюэ-циня из фамилии Цао, который «несколько раз перерабатывал» роман. Далее говорится, что широко распространены восемьдесят глав романа, однако доходили слухи, что всего глав в романе сто двадцать. После долгих поисков издателю удалось найти большинство недостающих глав (около тридцати). Один друг потрудились, приводя текст в порядок («подрезая слишком длинное и надставляя слишком короткое»), и теперь он решается выпустить в свет роман, напечатав его подвижным шрифтом (вещь не вполне обычная: китайское книгопечатание до XX века предпочитало не набор, а ксилографию – печатание с резных досок). Второе предисловие, принадлежащее упомянутому в первом предисловии Гао Э, говорит о его восхищении полной редакцией романа, предоставленной ему другом Чэн Вэй-юанем. Из всего этого можно понять, что вполне завершёнными оказались первые восемьдесят глав романа, последние же сорок, хотя и существовали до издания Чэна, но в черновиках, которые еще пришлось приводить в порядок, каковую работу и проделал Гао Э.

Кто такой Цао Сюэ-цинь, названный в предисловиях и упомянутый во вводной части первой главы романа, как якобы получивший уже готовый текст, высеченный на камне, который он лишь «десять раз читал и пять раз исправлял» и упорядочил, разделив на главы и дав главам названия, кто этот человек, толком никто не знал до самого XX века.

И это неудивительно: романы, написанные на разговорном языке байхуа, а не на классическом языке древних сочинений вэньяне, настоящей литературой в старом Китае не считались. И даже Гао Э, выразивший свой восторг словами:

«Я был словно персидский раб, любующийся увиденной драгоценностью», все-таки добавляет: «Хотя книга эта и принадлежит к грубым рассказам и диким историям».

Пришел XX век – и многое изменилось в китайских воззрениях на литературу. Драма, роман, повесть и другая беллетристика, не без влияния знакомства с европейскими литературными произведениями, встали в один ряд с произведениями «высокой прозы и поэзии и прочно вошли в историю китайской литературы как достойная и важная ее часть. Ученые нового времени Ван Говой, Ху Ши, Чжэн Чжэнь-до и многие другие предприняли усердные поиски и одного за другим разыскали в китайских исторических трудах и в «описаниях уездов» (так назывались многочисленные произведения, которые мы сейчас назвали бы краеведческой литературой) авторов знаменитых романов, повестей, пьес, новелл, биографические сведения о них и другие их произведения. Среди новооткрытых великих писателей оказался и Цао Сюэцинь.

Первая половина XVIII века, когда жил Цао Сюэцинь, была временем великих перемен. В 1644 году в Китае вспыхнуло восстание Ли Цзычэна, под ударами которого империя Мин, пришедшая в 1368 году на смену монгольскому государству Юань и просуществовавшая почти триста лет, прекратила свое существование. Повстанцы вошли в столицу Пекин. В это время на северо-востоке образовалось новое государство маньчжуров. Вождь маньчжуров Нурхаци в 1616 году назвал свое государство Поздняя Цзинь – в память другого государства, тоже маньчжурского племени чжурчжоней, существовавшего на севере Китая в 1118–1234 годах (маньчжурские правители считали себя наследниками чжурчжэней). Государство маньчжуров постепенно расширяло свои границы, и в 1636 году, уже выйдя к Великой Стене, приняло другое название – Цин. От дальнейшей экспансии удерживала Великая Стена. Когда Ли Цзычэн вошел в Пекин, один из военачальников призвал маньчжуров на помощь против повстанцев и открыл для них заставу Шаньхайгуань.

Маньчжуры быстро справились с Ли Цзычэном, но уходить обратно не желали и вскоре захватили Китай, распространив на всю страну название Цин. Маньчжурская династия правила в Китае до 1911 года.

Предки автора «Сна в красном тереме» принадлежали к древнему роду. Предполагали даже, что он восходит к знаменитому поэту, деятелю эпохи Троецарствия (220–264) Цао Цао. Но реально генеалогия семьи Цао восходит к одному из соратников Чжу Юаньчжана, основателя империи Мин. Имя этого предка, умершего в 1372 году, было Цао Лянчэнь, он значительно способствовал укреплению власти нового повелителя Китая. Его сын Цао Цзюнь в начале XV века переселился из Центрального Китая на север, в Ляоян, на территории нынешней северо-восточной провинции Ляонин, где его потомки оставались на государственной службе и где их застало возвышение маньчжурского предводителя Нурхаци. Внук Цао Цзюня, прапрапрадед автора романа, Цао Сиюань, прапрадед Цао Чжэньян, прадед Цао Си – все служили новой империи со дня ее образования и после того, как в 1636 году маньчжуры, дошедшие уже до Великой Стены, переименовали свое государство, дав ему имя – Цин.

Маньчжуры свои войска подразделяли на «восемь знамен» (по числу основных и промежуточных частей света), причем инородцы в эти войска не допускались. Но уже очень скоро были образованы аналогичные «знамена» для монголов и для китайцев, отличившихся на маньчжурской службе, зачисление их в «восьмизнаменные войска» считалось особой честью. Члены семьи Цао с самого начала были зачислены в китайское (ханьское) войско Белого Знамени и активно участвовали как в завоевании маньчжурами Китая, так и в управлении завоеванными землями. Дед Цао Сюэциня (по другим сведениям – двоюродный дед) Цао Инь (1658–1712) служил в южных городах в нижнем течении Янцзы: в Счжоу, Янчжоу, Цзяннине. Он управлял ткацкими императорскими мануфактурами в Цзяннине (южнее Нанкина) и одно-

временно был соляным инспектором в Янчжоу. Он прославился не только как администратор, но и как выдающийся культурный деятель, создатель одной из наиболее обширных частных библиотек и организатор книгопечатания. Имя его и до сих пор входит в число восьми наиболее прославленных ученых и литераторов города Янчжоу. После его смерти его дело ненадолго воспринял его сын Цао Юн (ум. в 1615 г.), а потом – племянник и приемный сын Цао Иня – Цао Фу, отец Цао Сюэ-циня. Цао Инь при жизни своей купил большой кусок земли на окраине тогдашнего Нанкина и разбил там великолепный парк, шедевр китайского садового искусства. Потом этот парк перекупил другой крупный литератор, прозаик и поэт Юань Мэй (1716–1797) и под названием «Сад Следования Природе» (Суй юань) прославил в своих сочинениях. Но раньше того парк семьи Цао под названием «Сад Роскошных зрелищ» (Да гуань юань) был детально описан в романе «Сон в красном тереме».

Цао Сюэ-цинь, первое имя которого Цао Чжань, родился в 1715 году – как раз когда Цао Фу вступил в должность и во владение имуществом своего приемного отца. Цао Сюэ-цинь рос в этом парке, и его восприятие мира в значительной степени воспитано было совершенством окружающих пейзажей. Однако как Цао Инь, так и его приемники слишком полагались на свое богатство и жили, что называется, не по средствам. Цао Фу получил в наследство не только дела и имущество, но и огромные долги, которые семейство Цао так и не смогло никогда оплатить. В 1728 году после нескольких неудачных попыток погасить долги по указу императора Юнчжэна (на троне в 1723–1736) все имущество семьи Цао было конфисковано, и славившаяся роскошью и хлебосольством семья впала в крайнюю бедность. Мы мало знаем о жизни Цао Сюэ-циня вообще и, в частности, в этот последний период. Видимо, некоторое время после разорения семьи он жил в Янчжоу, потом перебрался на север, на северо-западной окраине Пекина купил домик недалеко от монастыря Лежащего Будды, где и писал свой роман. Сохранилось несколько обращенных к нему, а потом и оплакивающих его стихотворений, написанных его друзьями: братьями-поэтами маньчжурами Дуньчэном (ум. в 1791 г.), Дунь-минем (1729–1796) и Чжан И-цюанем, о жизни которого ничего другого не известно. Из стихов и из надписей на полях рукописей романа мы знаем, что в жизни Цао Сюэ-циня было три женщины, одна из них рано умерла, две другие были его женами, причем последняя из них принесла ему счастье – но даже имен этих женщин мы не знаем.

В 1763 году была эпидемия оспы, унесшая его сына и детей его друзей, и сам он, видимо, заразившись от больного сына, умер в ночь под новый год, который в переводе на наш календарь приходился на первое февраля 1764 года, и не дожил до своего пятидесятилетия.

Все исследователи романа «Сон в красном тереме» единодушно признают, что основой сюжета романа послужила история семьи Цао Сюэ-циня и что главный герой – Цзя Бао-юй во многом напоминает автора романа. В самом деле роман посвящен описанию жизни огромной семьи, очень богатой и разветвленной, имеющей родственные связи во всех самых богатых и знатных семьях города Цзиньлина (старое название Нанкина), где, кстати, и было громадное поместье, в 1967-м купленное Цао Инем и превращенное им в парк. В этом парке, получившем в романе название «Сад Роскошных зрелищ», проходит жизнь семьи в удовольствиях и развлечениях. Денег в этой семье никто не считает.

Главный герой Цзя Бао-юй, единственный наследник и баловень всей семьи, живет в окружении сестер – родных, двоюродных, троюродных – и их служанок. («Красный терем» есть китайское образное обозначение теремов, в которых живут девушки.) Девочки и мальчики постепенно взрослеют. Две из двоюродных сестер, Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, – предмет особо нежных чувств подрастающего мальчика, чувство к Линь Дай-юй переходит в любовь. Когда встает вопрос о женитьбе Бао-я, семья должна выбрать между Линь Дай-юй и второй сестрой. Дай-юй – девушка болезненная, от нее не ждут здорового потомства, и поэтому выбрана Бао-чай. Происходит почти библейская история: Бао-юй узнает, что его женили на Бао-чай, только в брачную ночь Линь Дай-юй умирает от горя, а Бао-юй исчезает из дома,

и только потом его встречает отец Цзя Чжэн – его сын стал буддийским послушником. Этот основной стержень романа развивается на фоне множества судеб героев и героинь повествования. Судьбы сначала беззаботных молодых людей после разорения семьи оказываются несчастливými.

Жизнь в «Саду Роскошных зрелищ» описана в подробнейших деталях: пейзажи и интерьеры, занятия и развлечения, праздники и приемы – все есть на страницах романа, вплоть до рецептов лекарств, прописанных больным. Воистину нет в литературе более подробной и достоверной энциклопедии китайской жизни, чем этот роман.

Все действие вставлено в изящную рамку. Во время сражения древних легендарных героев было пробито небо. Богиня-повелительница Нюй-ва собрала тридцать шесть тысяч пятьсот один камень, сплавил их вместе и залатала пролом. Но один камень остался. Побывав у нее в руках, он обрел волшебные свойства, мог увеличиваться и уменьшаться, передвигаться и разговаривать. Камень был найден двумя монахами – буддийским и даосским, они его куда-то унесли, а после камень вновь был обнаружен с записанными на нем судьбами людей в бренном мире. Про эти записи (недаром другое название романа «Записи на камне» – Ши тоу цзи) как раз и говорится, что Цао Сюэ-цинь взял готовую историю и лишь обработал и упорядочил ее. Далее камень обнаруживают во рту только что родившегося Бао-я, и он всегда носит его на шнурке на шее, не подозревая, что на камне записана вся его судьба и судьба всех его близких. Монахи еще несколько раз появляются на страницах романа и, в конце концов, уводят с собой его главного героя.

В истории расцвета и разорения семьи Цзя, несомненно, угадывается история семьи Цао Сюэ-циня. Но, конечно, это не точный сколок, и не только в деталях, но и в судьбах действующих лиц. Простой пример: одна из сестер Бао-юя – Цзя Юань-чунь – замужем за самим императором и вплоть до своей смерти оказывает семье своих родителей покровительство. В семье автора среди родственников была двоюродная тетка Цао Сюэ-циня, мужем которой был член царствующего дома, но не император и даже уже не великий князь. И таких примеров можно привести много. В то же время две женщины в семье самого Цао Сюэ-циня как будто повторяют судьбу Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай. Это частый случай в истории мировой литературы: автор берет истинные события и реальных людей, но изменяет их судьбы так, как этого требует художественная правда.

Открытия XX века и судьба романа

Предисловия к первому изданию романа говорили, что роман долгое время ходил в списках (чуть не тридцать лет), что автор не успел его закончить и что Гао Э завершил роман.

Естественно, что исследователей всегда интересовало, что написал Цао Сюэ-цинь, что добавил Гао Э и не искажил ли Гао Э замысел автора. Для решения этого вопроса всегда считалась важнейшей пятая глава романа. В этой главе рассказано о сне Бао-юя. Он попадает в Область Небесных грез, по которой его водит фея Цзинь-хуань (имя ее значит «Пробуждающая от грез»). В числе прочего они слушают музыкальное представление, где каждая из арий содержит намек на судьбу одной из юных героинь романа (всего их двенадцать, и вместе они называются «двенадцать шпилек»). Кроме того, Бао-юй обнаруживает книги, где записаны судьбы людей, и опять эти записи полны намеков, которые он не понимает, прочесть же разгадки этих намеков фея ему не позволяет, судьбы заранее никто не должен знать. Сопоставляя эти намеки, которые в значительной части находят свою разгадку по мере развития действия в романе, ученые пытаются выяснить, каков был первоначальный замысел Цао Сюэ-циня. Исследования эти весьма многочисленны, догадки многообразны. Всех их здесь не привести, но одной загадки стоит все-таки коснуться.

Кроме двух двоюродных сестер Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай, судьба которых в романе напоминает отношения самого Цао Сэ-циня и его жен, в романе есть еще третья двоюродная сестра Ши Сян-юнь. Как и две другие, она носит фамилию, отличную от фамилии Цзя, а по китайским понятиям сочетаться браком не могли мужчина и женщина с одной фамилией – значит, брак ее с Бао-юем возможен. В шестьдесят второй главе романа рассказано, как опьяневшая после угощения на дне рождения Бао-я Ши Сян-юнь уснула в саду на каменной скамейке. Потом Бао-юй находит возле скамейки оброненную ею статуэтку единорога-цилиндра, парная же статуэтка остается у Сян-юнь. Привычная символика парных предметов обычно намекает на брачный союз, и вряд ли случайно находит эту статуэтку именно Бао-юй.

В окончательном тексте романа судьба Ши Сян-юнь, как, впрочем, и других героинь, трагична. Она выдана замуж, счастлива с мужем, но муж умирает, а она становится нищенкой. Между тем, в относящихся к ней стихах, которые слышит и читает Бао-юй в своем сне, говорится о ее безбрежном счастье, «и только пора ее раннего детства была в ее жизни грустна». А если вспомнить, что в стихах друзей Цао Сюэ-циня говорится о последней его жене, с которой он был счастлив, то можно думать, что судьба Ши Сян-юнь должна была быть иной и что она должна была в конце выйти замуж за Бао-юя и принести ему счастье. Это только один пример. В то же время намеки, рассеянные как во сне Бао-юя, так и в других частях романа, в подавляющем большинстве исследователями раскрыты, и серьезных отклонений от смысла этих намеков в последующих главах почти нет. Это лишний раз говорит о том, что Гао Э, завершая роман, старался строго следовать первоначальному замыслу Цао Сюэ-циня, однако несколько глав (около десяти) написаны не были или существовали только в набросках, и иногда можно заметить, что конечные главы как будто от авторского замысла отклонились.

Не только по предисловиям, но и по некоторым обнаруженным записям и стихам XVIII века можно видеть, что до его опубликования в печати роман ходил в рукописных копиях.

Начало XX века совпало с обнаружением нескольких списков романа, причем все они, эти списки, обрывались на восьмидесятой главе, то есть содержали ту часть романа, в отношении которой авторство Цао Сюэ-циня несомненно. В настоящее время найдено тринадцать различных копий текста, причем все они друг от друга отличаются и носят на себе следы авторской правки, и только один из списков представляет собой полный текст в ста двадцати главах. Одна за другой эти рукописи издавались фотоспособом, и сегодня появилась возможность

издать полный критический текст романа с учетом всех расхождений в различных рукописях и изданиях.

Изучением истории текста – и тем самым изучением творческой истории романа – занимались многие ведущие специалисты, такие как Ху Ши (1891–1962), Лу Синь (1881–1936), Юй Пин-бо (1900–1989). Благодаря их исследованиям были установлены основные редакции романа. В рукописях, включающих восемьдесят глав, постоянное заглавие – «Записи на камне», но в тексте также упоминается и «Сон в красном тереме». Потом это второе название романа победило и закрепилось окончательно – в первоиздании. И хотя исследователи знают и первое название, тем не менее роман всегда называется вторым из них. Заметим, что список, включающий сто двадцать глав, тоже озаглавлен «Сон в красном тереме», и можно думать, что это тот оригинал, с которого печатали.

О популярности романа в Китае может свидетельствовать тот факт, что вскоре после так называемой культурной революции, в 1980 году, в Пекине в системе Академии общественных наук был организован отдельный Институт «Сна в красном тереме», во главе которого встал известный историк Фэн Ци-юн. Ему принадлежит заслуга координации научной деятельности многочисленных ученых и научных центров, где ведутся исследования романа. Выделилась особая отрасль науки, занимающаяся самыми разнообразными изысканиями, связанными с романом (эта отрасль науки получила название «жун сюэ», что по-русски можно перевести труднопроизносимым словом «унлоумэноведение»). На Тайване ведущим специалистом в этой области является проф. Пань Чжун-гуй, крупный филолог и глубокий знаток текстов древнекитайской литературы.

Деятельность Института «Сна в красном тереме» не только организационная – хотя и эта деятельность очень важна: едва где-нибудь в Китае образуется новое общество любителей и исследователей романа, туда немедленно выезжает представитель института для составления общей программы. Концентрация всей информации в одном центре продвигает исследование романа вперед большими шагами. Продемонстрируем это на нескольких примерах.

До образования Института издание найденных списков ранних редакций производилось не систематически, многие списки оставались неизвестными широкому кругу специалистов. Так, в 1964 году Б. Л. Рифтин и автор данных строк опубликовали пространное сообщение о неизвестном списке романа, хранящемся в Ленинграде. Хотя это сообщение и вызвало интерес (в Японии, например, вскоре вышел перевод статьи), однако вопрос об издании рукописи встал только после того, как Институт востоковедения вошел в контакт с Институтом «Сна в красном тереме». Между тем рукопись представляет значительный интерес для вопроса об истории создания романа: в ней обнаружена правка, которую нельзя признать иною, чем авторской. Кроме того, ленинградский (петербургский) список оказался единственным, обнаруженным за рубежом – все остальные найдены и хранятся в Китае. Рукопись была приобретена в 1832 году членом русской православной духовной миссии в Пекине П. П. Курляндцевым (заметим, что в то время и в самом Китае рукописи романа не были известны). В 1986 году состоялось совместное издание полного текста списка фотоспособом, предисловие написали Л. Н. Меньшиков и Б. Л. Рифтин. Уже в 1987 году потребовалось переиздание: первого не хватило даже специалистам. Это издание завершило введение в науку наличных рукописей романа. Вскоре в Пекине (под редакцией Фэн Ци-юна) и в Тайбэе на Тайване (под редакцией Пань Чжун-гуя) были изданы критические издания, учитывающие разночтения во всех списках.

Другая линия исследований связана с историческим фоном, на котором создавался роман – и здесь пальма первенства, несомненно, принадлежит проф. Фэн Ци-ну. Под его руководством обнаружены и обследованы семейные кладбища семьи Цао, одно в провинции Ляонин, другие два, двух ветвей фамилии Цао, на севере современной провинции Хэбэй и на

западе от Пекина. На основании найденных там записей была восстановлена подробнейшая генеалогия семьи

Цао в нескольких ее ветвях в шестнадцати поколениях, последним из которых оказалось поколение Цао Сюэ-циня, на этом генеалогия обрывается. Последним в ветви Цао Иня оказывается человек по имени Цао Тянь-ю. Имена автора романа Цао Чжань и Цао Сюэ-цинь в родословной не обнаружены, но некоторые исследователи – одни со значительной долей сомнения, другие вполне уверенно – отождествляют его с Цао Тянь-ю. В любом случае ближайшее окружение и историю семьи удалось восстановить вполне достоверно, по подлинным документам, и параллель между семьями Цао в действительной жизни и семейством Цзя в романе устанавливается во многих деталях.

Другая находка Института и его руководителя Фэн Ци-юна – это небольшое поместье под Пекином, о котором мы уже упоминали. Это небольшой одноэтажный домик в четыре комнаты, обнесенный, как это обычно в Китае, каменной оградой выше человеческого роста. В одной из комнат, стены которой, как везде в обычном, не дворцового типа китайском жилище, покрыты штукатуркой и побелены, под поздним слоем побелки обнаружены стихотворные записи, причем одна из записей принадлежит, несомненно, хозяину дома. Это единственный автограф Цао Сюэ-циня, нам достоверно известный. В домике сейчас музей. Вокруг него обширное поле, на севере – горы, с запада расположены два монастыря, выдающиеся памятники китайской храмовой архитектуры: монастырь Лежащего Будды и монастырь Бирюзовых Облаков. Почти все сохранилось в том виде, как во время жизни автора романа, и можно представить себе обстановку, в которой роман создавался. Недаром проф. Фэн Ци-юн, когда писал свои исследования о жизни автора и его предков и об истории создания романа, любил поселяться в парке Сяншань на склонах тех гор на западе, где расположен монастырь Бирюзовых Облаков.

В результате многолетних усердных поисков в литературе, современной Цао Сюэ-циню, удалось выяснить круг его друзей в последние годы жизни. Это, прежде всего, упоминавшиеся уже Дуньчэн, Дуньминь и Чжан И-цюань. К ним надо добавить еще некоего Чжиху-соу, из записи которого на полях одной из рукописей мы узнали год смерти Цао Сюэ-циня. Но, может быть, самый значительный – человек, которого мы знаем только по его псевдониму. Чжи-янь чжай – «Хозяин кабинета Коробочка для румян». Чжи-янь чжай оставил и на полях рукописей романа, и между строк, и в добавление к основному тексту множество своих заметок, которые дают в высшей степени важные сведения творческой истории романа, об обстоятельствах жизни Цао Сюэ-циня и его семьи, а также критические замечания по тексту. Исходной точкой исследования романа всегда служили эти заметки – недаром они сейчас собраны воедино в книге тайваньского ученого Чэнь Цин-хао. По всему видно, кто «Хозяин кабинета» – человек, очень близкий автору романа. По некоторым особенностям языка можно думать, что это – уроженец города Янчжоу, где служил дед, а потом и отец Цао Сюэ-циня. Некоторые исследователи даже думают, что это – женщина, с которой списан образ одной из центральных фигур романа, двоюродной сестры героя романа Ши Сян-юнь. А если это так, то можно думать, что это не хозяин, а «хозяйка кабинета», и, может быть, вдова Цао Сюэ-циня, упоминаемая в одном из стихотворений Дуньчэна на смерть автора романа: «Со слезами выплеснут к благим Небесам голос его вдовы».

На южной окраине Пекина по плану и под руководством Фэн Ци-юна в последние два десятилетия разбит парк под названием «Сад Роскошных зрелищ». Его создатель, внимательно следуя описанию сада, дворцовых построек и павильонов в романе «Сон в красном тереме», решил восстановить этот парк. Сейчас все необходимые постройки возведены, вплоть до деревьев, где на окраине парка живут слуги. Прорыты ручейки и пруды, через них переброшены мостики. Строения украшены надписями, сочиненными по роману членами семьи Цзя. Памятуя, что в романе парк разбивают к приезду старшей сестры Бао-юя, императорской жены

Юань-чунь, и что в честь ее, «государыни императрицы», на подмостках в парке было устроено представление, каждый год весной в воссозданном парке тоже устраивается представление «Приезд императрицы», где действующими лицами выступают персонажи романа.

Неподдельная любовь к великому произведению Цао Сюэ-ци-ня и энтузиазм его исследователей не могут не вызвать восхищения.

Сцена «Приезд императрицы» – не единственный эпизод из романа «Сон в красном тереме», легший в основу как как пьес народного театра, так и книжек-картинок для детей и новогодних поздравительных картин. Содержанием всех этих произведений может быть и глава, где Ши Сян-юнь, опьяненная, засыпает на садовой скамейке, и сценка, в которой четыре красавицы ловят рыбу в пруду, и трагические судьбы служанки Юань-ян или двух сестер Ю, дальних родственниц семейства Цзя, и комические эпизоды с деревенской старухой Лю – и многое другое. В конце восьмидесятых годов в Китае был поставлен телесериал, где глава за главой показаны почти все основные линии сюжета романа «Сон в красном тереме», и сейчас изображения артистов в роли героев и героинь романа перекочевали и на почтовые открытки, и на закладки для книг, и на иллюстрации к популярным пересказам романа...

В наше время роман находит все более и более широкого читателя. Раньше в литературных анекдотах отец, обнаружив, что дочка не спит по ночам и обливается слезами, читая роман, выражал по этому поводу свое крайнее неудовольствие. Ведь стержнем «Сна в красном тереме» все-таки является любовь Цзя Бао-юя и Линь Дай-юй, а девушке о таких вещах думать не полагалось. Теперь же при гораздо более свободных нравах никому не придет в голову запрещать детям и тем более подросткам читать ни «Сон в красном тереме», ни знаменитые пьесы о всепобеждающей любви – «Западный флигель» Ван Ши-фу (конец XIII – начало XIV в.) или «Пионовую беседку» Тан Сянь-цу (1550–1617) – обе пьесы, кстати, читают (тайком, конечно) две героини романа Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай.

«Сон в красном тереме» в России и Европе

В странах китайского культурного ареала роман «Сон в красном тереме» в течение всего XIX века переводить не приходилось: китайский язык был знаком любому образованному человеку, и в Японии или Корее роман читали в подлиннике. Перевод потребовался только в XX веке, когда классическое образование заменилось современным европеизированным и уже далеко не каждый мог читать по-китайски. Тогда-то, в 1920 году, и появились массовые переводы китайской классической литературы на японский язык, в том числе и перевод «Сна в красном тереме», выполненный Юки-да Роханом и Хираока Рюдзе, сопровождавшийся для желающих и подлинным китайским текстом. Потом выходили и другие переводы, издаваемые неутомимым проповедником произведений мировой литературы издательством «Иванами сэтэн».

Россия и Европа по понятным причинам китайскую литературу в подлиннике не читали, для знакомства с нею потребны были переводы. И они появились – силами русских и европейских китаеведов. Первыми здесь были русские, ученики Пекинской духовной миссии. Их заслуга не только в приобретении одной из рукописей ранней редакции романа, о которой мы уже писали. Ученик миссии д. И. Кованько, возвратившись из Китая в 1836 году, опубликовал под псевдонимом Дэ Мин очерки под названием «Поездка в Китай» (журнал «Отечественные записки» за 1841–1843 годы). К заключительной части он приложил перевод вступления к первой главе «Сна в красном тереме», и это было первой попыткой в Европе продемонстрировать шедевры китайской литературы на образцах. Частичные переводы отдельных глав и фрагментов романа включались постоянно русскими китаеведами в их учебные программы в Университете. Ведущий китаист XIX века акад. В. П. Васильев впервые в мире издал «Очерк истории китайской литературы» в составе «Всеобщей истории литературы» В. Ф. Корша (1880). Подобного очерка до того не было не только в западных странах, но и в самом Китае. Включив в свой очерк китайскую повествовательную прозу, В. П. Васильев особо отметил как выдающееся произведение, могущее стать наравне с шедеврами мировой литературы, роман «Сон в красном тереме».

В европейских странах роман тоже появился сначала в избранных фрагментах. В Англии в 1868 году вышли первые восемь глав в переводе Е. Боура, в 1885 году – переводы главы тогдашнего английского китаеведения Герберта Джайлза, в 1919 году – переложение одного из знаменитейших в Англии переводчиков китайской литературы Артура Уэйли. Немецкий перевод Франца Куна вышел в 1932 году, французский в избранных фрагментах – в 1933 году.

Все перечисленные переводы были в той или иной мере адаптированы, приспособлены к привычным представлениям о литературе тех культур, на язык которых делался перевод, или представлены в избранных, наиболее, по мнению переводчиков, интересных для читателя отрывках. Перевод романа во всех деталях, составляющих его особую прелесть, казался европейским переводчикам громоздким и для западного читателя неудобочитаемым – и это несмотря на то, что сходные произведения Стерна, Филдинга, Рабле, Шодерло де Лакло читались и читаются с большим интересом и подробные их описания не отпугивают читателей.

Эту боязнь сохранения подлинного облика переводимого произведения смог преодолеть в себе русский переводчик В. А. Панасок. Он сначала перевел на русский язык, ничего не опуская, сложный исторический роман «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна, полный описаний сражений, перечней титулов и должностей и множества исторических подробностей. И, уже имея опыт такого перевода, приступил к «Сну в красном тереме». Переводчик старался передать по-русски все бесчисленные бытовые детали, в изобилии встречающиеся на страницах романа – и в этом преуспел, хотя, может быть, при проверке бдительным взглядом специалиста по китайскому быту кое-что может нуждаться в поправках (как это случилось после про-

верки знатока истории китайской одежды Л. П. Сычова – он предложил целый ряд уточнений к названиям одежды и деталей одежды), но это, видимо, дело будущего и грядущих переводчиков, ибо В. А. Панасюка уже нет в живых, он умер в 1990 году, едва начав готовить новое издание романа в исправленном переводе.

Также впервые были переведены все стихи, встречающиеся в романе, без исключения. Переводчик – автор данных строк – столкнулся с многими трудностями, главная из которых состояла в том, что стихи эти – не просто стихотворные вставки, они сочиняются действующими лицами романа и служат их характеристике. Переводчик – кроме стремления к наибольшей точности перевода по тексту – старался передать также и разнообразие написанного в подлиннике.

Так или иначе, перевод В. А. Панасюка состоялся и давно уже имеет своего благодарного читателя. Думается, под впечатлением проделанной им работы был предпринят такой же полный перевод на английский язык. Первые три тома – начальные восемьдесят глав – под названием «История камня, или Сон в красном тереме» в переводе Д. Хоукса вышли в Англии в 1976–1978 годах. Еще два тома, заключительные сорок глав, в переводе Дж. Минфорда, появились в 1982 году. Англоязычная публика, таким образом, вслед за русским читателем стала обладательницей полного, неадаптированного текста великого романа.

При значительно возросшем за последнее время интересе нашего читателя к восточной, в частности китайской, классике переиздание романа по-русски стало необходимым: первое издание, вышедшее в 1958 году, давно уже – чуть ли не с момента его выпуска в свет – стало библиографической редкостью. Переиздание в 1997 году романа «Сон в красном тереме» в переводе В. А. Панасюка должно было в какой-то степени удовлетворить читательский спрос.

Л. Н. Меньшиков

Глава первая, повествующая о том, как Чжэнь Ши-инь в чудесном сне узнал об изумительной яшме и как Цзя Юй- цунь в мирской пыли мечтал о подруге жизни

Вот первая глава, которой начинается повествование. Мне, автору этой книги, самому пришлось пережить когда-то период чудесных снов, поэтому я решил воспользоваться сказанием о чудесной яшме, чтобы поведать миру «Историю камня», скрыв подлинные события и факты. Поэтому и героя своего я назвал «Чжэнь Ши-инь»⁵.

О каких же событиях, о каких людях рассказывается в этой книге? – спросите вы.

И вот что я отвечу: ныне, когда жизнь окончательно сломила меня, когда удачи перестали сопутствовать мне, я вдруг вспомнил о девушках минувших дней, тщательно сравнил себя с каждой из них и пришел к выводу, что их взгляды и поступки намного возвышеннее моих собственных, а мои пышные брови и усы, право же, не стоят их шпилек и юбок. Мне стало чрезвычайно стыдно от этого, но раскаиваться было бесполезно – время ушло, теперь уж ничего не исправишь! И тогда мне захотелось рассказать Поднебесной о тех днях, когда, пользуясь милостями неба и добродетелями предков, я носил дорогие парчовые халаты и белые шелковые штаны, сладко пил и сытно ел, а потом, презрев родительские наставления и советы учителей и друзей, без пользы загубил свои еще не развившиеся таланты и бесцельно прожил вторую половину жизни, совершив тем самым тягчайшее преступление.

Пусть сам я грешен – сознаюсь в этом, – но при чем здесь обитательницы женских покоев? Ведь не должны они оставаться в неизвестности только потому, что я когда-то был непутевым, а теперь пожелал бы умолчать о своих прежних недостатках!

Да, именно поэтому я и должен писать. Ни жесткий плетеный стул, ни дымный очаг в моей убогой лачуге не могут помешать мне осуществить заветную мечту. Да и утренний ветерок и вечерняя луна, ивы у крыльца и цветы во дворе вызывают во мне желание взяться за кисть. Правда, я не отличаюсь большой ученостью, но разве я не могу воспользоваться вымышленными фразами и простыми деревенскими выражениями для того, чтобы излить свою душу?! Это поможет осветить жизнь женских покоев, развеять скуку и открыть глаза таким людям, как я сам. Не должен ли я написать книгу хотя бы ради этого? Вот почему своего второго героя я назвал Цзя Юй-цунь⁶.

Кроме того, в книге употребляются такие слова, как «сон», «грезы»⁷, – в них-то и заключается основная идея повествования. Я хотел бы, чтобы читатель задумался над этими словами.

Дорогой читатель, ты спросишь – с чего же начинается мой рассказ? Хотя ответ на этот вопрос граничит с вымыслом, в нем есть много интересного.

Это случилось в незапамятные времена, когда богиня Нюйва* у подножья скалы Уцзияй в горах Дахуаншань выплавил тридцать шесть тысяч пятьсот один камень высотой в двенадцать чжанов⁸ и по двадцать четыре чжана в длину и ширину, чтобы заделать пролом в небосводе. Но употребила она лишь тридцать шесть тысяч пятьсот камней; неиспользованным остался один камень, который был брошен у подножья хребта Цингэн.

⁵ Чжэнь Ши-инь по-китайски звучит так же, как слова «скрывать подлинные события», но имеет отличное написание.

⁶ Имя Цзя Юй-инь звучит так же, как слова «вымышленные фразы», но имеет другое написание.

⁷ «Сон», «грезы» – так буддисты называли земную жизнь человека.

⁸ Чжан – мера длины, равная 3,2 метра.

Кто бы мог подумать, что этот камень, пройдя переплавку, обретет чудесные свойства? Он научился передвигаться, увеличиваться и уменьшаться в размерах, и только одно не давало ему покоя и заставляло вечно роптать на свою судьбу: он не вошел в число избранных, которым выпала доля участвовать в починке небосвода. Целые дни он скорбел и страдал.

Однажды в момент отчаяния чудесный камень неожиданно увидел двух приближающихся к нему монахов – одного буддийского, другого даосского, с необычной внешностью и манерами. Они подошли к подножью хребта Цингэн, опустились на землю и стали беседовать. Взгляд их упал на этот кристально-чистый камень, который сейчас сжался и стал не больше яшмовой подвески к вееру. Буддийский монах взял камень, взвесил его на ладони и с улыбкой сказал:

– Судя по внешнему виду, ты не простой камень. Только пользы от тебя никакой нет. Надо выгравировать на твоей поверхности несколько иероглифов, чтобы кто-нибудь, увидев тебя, понял, что перед ним чудесная вещь, и унес тебя в прекрасную цветущую страну, в семью ученых, носящих кисти на шапках, в приют наслаждений и роскоши, богатства и неги, чтобы там прошел твой период грез и снов.

Услышав это, камень обрадовался и спросил:

– Не представляю себе, какие вы можете выгравировать на мне иероглифы? Куда меня унесут? Объясните мне, прошу вас.

– Пока ни о чем не спрашивай, – ответил буддийский монах, – настанет время, и все само собой прояснится.

Он взмахнул рукавом и унесся, как вихрь, вместе с даосом.

Много лет и много калп⁹ минуло с тех пор. Однажды монах Кун-кун, стремившийся постигнуть истину и стать бессмертным, проходил мимо скалы Уцзияй у подножья хребта Цингэн в горах Дахуаншань и увидел камень. На его поверхности он заметил отчетливо выступавшие следы иероглифов.

Оказалось, это был тот самый камень, которому не выпало счастье участвовать в починке небосвода и который был принесен в этот бранный мир учителем Ман-маном и праведником Мяо-мяо и брошен здесь, у подножья скалы. На нем было записано, где ему суждено появиться на свет из материнской утробы, перечислялись мелкие семейные события, говорилось о том, как он будет проводить время в женских покоях, приводились стихи и загадки, которыми он будет увлекаться, и только годы и название династии стерлись бесследно. И в самом конце записи была начертана гата, гласившая:

Не подходил он брешь залатать
на голубом небосводе.
И долгие годы в подлунном миру
провел он в плену, в несвободе.
События жизней – ушедших и будущих
– нанесены на него.
Но кто же запомнит их, кто передаст
и перепишет их – кто?¹⁰

Прочитав написанное, даос Кун-кун понял, что у этого камня необыкновенное происхождение, и обратился к нему:

⁹ Калпа – буддийский термин. В понимании буддистов развитие мира происходило путем чередования периодов расцвета и упадка. Калпой назывался период времени от расцвета до упадка мира.

¹⁰ Здесь и далее стихотворения к первому тому романа даны в переводах И. А. Алексеева (главы 1, 4–15, 48–53) и А. С. Чететкиной (главы 2, 3, 17–45). Комментарии к стихотворениям А. С. Чететкиной.

– Брат-камень, ты считаешь, что история твоя замечательна, поэтому она выгравирована на тебе, и ты хочешь, чтобы люди в брэнном мире передавали ее из поколения в поколение. Но мне кажется, в ней есть некоторые упущения: не обозначены даты, ничего не говорится о добродетельных правителях, мудро правивших государством и совершенствовавших нравы своих подданных. Здесь упоминается лишь о нескольких милых и умных либо глупых и ни на что не способных девушках, и если я даже перепишу эту историю, из нее все равно невозможно создать интересную, увлекательную книгу.

– Почему у вас такое предвзятое мнение? – решительно возразил ему камень. – Правда, во всех без исключения неофициальных историях принято говорить о знаменитых красавицах времен династий Хань и Тан¹¹, а на мне, не в пример установившимся правилам, записано лишь то, что мне самому пришлось пережить, но я все же считаю, что это свежо и оригинально. К тому же авторы всех неофициальных историй клеветают на государей и их сановников либо на чужих жен и дочерей, а что касается интриг и злодеяний, описанных в этих книгах, то они вообще не поддаются исчислению. Мало того, есть еще один род книг, которые прославляют мерзость и разврат, распространяют грязь и зловоние и могут легко испортить молодое поколение. Если же говорить о книгах, посвященных талантливым людям и известным красавицам, то здесь

Что ни разворот – про Вэнь-цзюнь* повествует. А что ни страница – Цзы-цзяня* найдешь. Как будто одна лишь мелодия в мире, И всякий герой на другого похож!

К тому же в этих сочинениях тоже не обходится без описания случаев безудержного разврата. Сами авторы способны написать к этим произведениям лишь одно-два любовных стихотворения или несколько од легкого содержания, в которых встречается два имени – мужское и женское – да еще имя какого-нибудь подлого человечка, который ссорит героев, подобно театральному шуту. Но еще более отвратителен в таких книгах язык и старый литературный стиль, которым описываются самые невероятные события, не соответствующие действительности и противоречащие друг другу! И, наконец, о героях. Я не смею утверждать, что девушки, которых я сам видел, лучше героинь произведений древности, но все же, читая во всех подробностях их жизнеописания, можно будет разогнать скуку и рассеять тоску. Ну а что касается несуразных стихов, то не в них главное, пусть над ними посмеются. Ведь все они говорят о радостях встреч, о горестях разлуки, о возвышениях и падениях, отражают действительные события, и я не смел прибегать в них к вымыслу, чтобы не отступить от истины. Мне хочется лишь одного – пусть люди, которые просыпаются после тяжелого опьянения или бегут от мира, прочтут мою повесть ради развлечения: может быть, это поможет им сберечь силы и здоровье и они перестанут думать о пустом и гоняться за призрачным. Вы согласны с моими рассуждениями, учитель?

Даос долго размышлял, потом еще раз перечитал запись, сделанную на камне, и, заметив, что в ней главным образом говорится о чувствах, правдиво излагаются факты и нет ничего такого, что могло бы испортить современные нравы и посеять разврат, переписал всю историю от начала до конца, чтобы поведать миру и передать потомкам эту удивительную повесть.

С этих пор Кун-кун увидел в небытии форму, из формы родились чувства, чувства вновь обрели форму, а форма опять обратилась в небытие. Познав сущность небытия, Кун-кун переименовал свое имя на Цин-сэн – Монах, познавший чувства, а «Историю камня» назвал «Записками Цин-сэна».

Еще прошло время, и Кун Мэй-ци из Восточного Лу дал повести название «Драгоценное зеркало любви». Потом рукопись попала на «террасу Скорби по ушедшему счастью», где ее десять раз читал и пять раз исправлял Цао Сюэ-цинь. Он выделил в ней главы и разделы,

¹¹ Хань – династия, правившая Китаем с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э. Тан – династия, правившая с 618 по 907 г. н. э.

составил оглавление и дал новое название – «История двенадцати головных шпилек из Цзинь-лина», и все остальные названия сразу отпали. Так и появилась на свет «История камня».

В стихах, сложенных по этому поводу, говорится:

Бумага пускай и покрыта
вымыслом вся целиком,
Но сколько же было пролито
слез над ней кровным трудом!
Бесспорно, прозвать простоватым
писателя немудрено,
А все-таки будет накладно
найти, кто бы понял его!

Таким образом, происхождение «Истории камня» вам уже известно. Остается выяснить: о ком и о чем рассказывается в ней?

Слушай же, читатель! В записи, сделанной на камне, сказано:

В те времена, когда земля обрушилась на юго-восточной стороне Поднебесной, там находился город Гусу, один из кварталов которого назывался Чанмынь. Здесь царили роскошь и разврат. За городскими воротами находился поселок Шилигай, и там в переулке Жэньцинсян стоял древний храм. Место это было довольно тесное, и жители называли храм Хулумяо, то есть храм Тыквы-горлянки.

Неподалеку от храма жил отставной чиновник Чжэнь Фэй, известный также под именем Чжэнь Ши-инь. Его жена, урожденная Фын, слыла умной и добродетельной женщиной и хорошо разбиралась в том, что такое этикет и долг. Правда, семья Чжэнь Ши-иня не отличалась особым богатством, но здешние жители считали ее знатной.

Сам Чжэнь Ши-инь был человек тихий и флегматичный. Он не стремился ни к подвигам, ни к славе, вел жизнь праведника и находил удовольствие лишь в том, что ухаживал за цветами, сажал бамбук, пил вино да читал нараспев стихи. И только одного ему не хватало: прожил он более пятидесяти лет, а сыновей у него не было – одна лишь трехлетняя дочка по имени Инлянь.

Однажды в знойный летний день Чжэнь Ши-инь сидел в своем кабинете с книгой в руках. Утомившись, он отбросил книгу, облокотился о столик и задремал. Неожиданно ему почудилось, что все вокруг заволкло туманом и он оказался в незнакомом месте. Откуда-то сбоку появились два монаха – буддийский и даосский. Они шли, разговаривая между собой.

– Куда ты собираешься идти с этой вещицей? – слышит он, как спрашивает даосский монах у буддийского.

– Не беспокойся, – отвечает тот. – Скоро должно быть вынесено решение по делу развратников и прелюбодеев. Люди эти еще не родились на свет, и я, воспользовавшись случаем, подсуну эту вещицу – пусть и она идет в мир.

– Я знаю, что прелюбодеев ждет земное перевоплощение, – промолвил даосский монах, – но скажи мне, откуда они явились? В какие края попадут?

– Это забавная история, – ответил буддийский монах. – Камень этот скитается по свету лишь потому, что в свое время богиня Нюй-ва не использовала его. Однажды он явился к бессмертной фее Цзин-хуань*. Зная о его происхождении, та оставила его у себя во дворце Алой зари и дала ему имя «Хрустально-блещущего служителя дворца Алой зари». Здесь ему часто приходилось гулять по западному берегу реки Душ – Лиихэ, где на самом краю прибрежного обрыва он увидел среди «Камней трех жизней» траву бессмертия – «Пурпурную жемчужину», прелестную и милую. День за днем он орошал ее сладкой росой, и только благодаря этому травка смогла прожить долгие годы и месяцы. Вобрав в себя все лучшее, что могут дать Небо

и Земля, эта травка, окропленная сладкой росой, покинула свою растительную оболочку и, воплотившись в девичье тело, целыми днями бродит за пределами той небесной сферы, где не существует ненависти, вкушает «плоды сокровенного чувства», пьет «вливающую печаль воду». Но она бесконечно скорбит, что до сих пор еще не смогла отблагодарить камень за ту влагу, которую он когда-то дал ей. Она часто восклицает: «Он осыпал меня милостями, орошая дождем и росой, а мне нечем вернуть ему эту влагу. Если он явится в бренный мир в человеческом образе, я вместе с ним пройду период грез и отдам ему слезы всей моей жизни!» И вот сейчас собрали множество прелюбодеев, чтобы послать их в бренный мир. Трава бессмертия тоже находится среди них. Поскольку и этому камню суждено переродиться в человека, я взял его на суд бессмертной феи Цзин-хуань – пусть она запишет его в свою книгу и пошлет на землю, чтобы с этим делом раз и навсегда покончить.

– Право, смешно: мне никогда не приходилось слышать, чтобы за благодеяние платили слезами! – заметил даос. – Может быть, спуститься в мир и помочь некоторым из этих людей освободиться от бремени земного существования? Разве мы не совершим тем самым доброе дело?

– Именно так думал и я, – сказал буддийский монах. – Только давай сначала отправимся во дворец феи Цзин-хуань и выясним, с кем связана судьба этого несчастного. А потом, когда души прелюбодеев снизойдут в бренный мир, спустимся вместе с ними. Пока перевоплотилась только половина из них, а остальные еще не явились на землю.

– Если так, я согласен, – заключил даос.

Услышав все это, Чжэнь Ши-инь не выдержал и подошел к монахам. Поздоровавшись с ними, он сказал:

– Разрешите побеспокоить вас, святые отцы!

– Пожалуйста, пожалуйста, – проговорил буддийский монах, торопливо отвечая на приветствие.

– Я только что слышал вашу беседу о судьбах прелюбодеев и о возмездии, ожидающем их, – проговорил Чжэнь Ши-инь. – Такие суждения редко удается услышать в мире смертных, и я, человек невежественный, не понял их до конца. Если вы окажетесь столь любезны и согласитесь просветить меня в моей тупости, я готов промыть себе уши и самым внимательным образом выслушать вас. Может быть, мне удастся познать истину и в свое время избежать гибели.

– Здесь кроется небесная тайна, – с улыбкой отвечали оба бессмертных, – и мы не имеем права преждевременно разглашать ее. Не забывай нас, и когда придет твое время, мы поможем тебе спастись из пекла.

Чжэнь Ши-инь внимательно слушал, но так как расспрашивать больше было неудобно, он улыбнулся и произнес:

– Конечно, небесные тайны разглашать нельзя. Но мне послышалось, будто вы в своем разговоре упомянули слово «несчастный». Нельзя ли узнать, о ком шла речь?

– Ах вот оно что! Ты спрашиваешь об этой вещице! – проговорил буддийский монах. – В ней заключена лишь половина всей истории.

С этими словами он вынул яшму и протянул ее Чжэнь Ши-иню.

Чжэнь Ши-инь осмотрел ее со всех сторон – это оказался кусок чистой драгоценной яшмы, на котором сохранились четкие следы иероглифов «Тунлинбаоюй» – «Драгоценная яшма, в которую вселилась душа». На обратной стороне яшмы тоже имелась надпись, но когда Чжэнь Ши-инь собрался прочесть ее, буддийский монах отнял у него камень со словами:

– Мы уже подошли к границе мира грез!

Он взял под руку даоса и увел его под каменную арку, на которой висела надпись: «Область Небесных грез».

По обе стороны арки висела вертикальная парная надпись:

Когда даже к истине ложь примешалась, и самая истина – ложь. Когда в бытие пустота проникает, и бытие – пустота.

Чжэнь Ши-инь хотел пройти через арку вместе с монахами, но тут раздался удар грома – будто рухнули горы и разверзлась земля.

Громко вскрикнув, Чжэнь Ши-инь проснулся. В окне сияло ослепительное солнце, на ветру мерно раскачивались густо растущие бананы. Все виденное только что во сне он почти забыл.

Потом пред ним предстала кормилица с Ин-лянь на руках. И как-то вдруг сразу Чжэнь Ши-иню бросилось в глаза, что девочка день ото дня становится умнее и смысленнее и хорошеет, как яшма, которую все время полируют. Он протянул руки, взял дочку и вместе с нею отправился посмотреть на уличную сутолоку. Возвращаясь домой, он заметил, что к нему направляются два монаха: один буддийский и один даосский. Они приближались, оживленно беседуя и жестикулируя. Буддийский монах с коростой на голове был босой, у даоса были вкочленены волосы, и он заметно хромал.

Увидев Чжэнь Ши-иня с Ин-лянь на руках, буддийский монах вдруг запричитал и обратился к Чжэнь Ши-иню:

– Благодетель, зачем ты несешь на руках это несчастное создание, которое навлечет беду на своих родителей?

Чжэнь Ши-инь решил, что монах сумасшедший, и даже не обратил на него внимания.

Тогда буддийский монах воскликнул:

– Поддай несчастному! Пожалей!

Чжэнь Ши-инь разозлился. Прижав к себе Ин-лянь, он повернулся и хотел уйти. Но буддийский монах, указывая на него пальцем, расхохотался и прочел четверостишие:

Ах, несмысленное дитя —
смеюсь я над тобой!
Цветет ли водяной орех,
коль валит снег такой?
Гляди, придет твоя пора
под праздник фонарей¹².
Огонь погаснет – даже дым
растает на заре.

Когда Чжэнь Ши-инь услышал эти слова, в душу его закралось подозрение. Он хотел обратиться к буддийскому монаху, но тут даос сказал:

– Нам незачем идти вместе. Давай расстанемся здесь и будем зарабатывать на пропитание отдельно друг от друга. Через три калпы я буду ждать тебя у подножья Бэйманшаня. Оттуда мы отправимся в «Область Небесных грез», чтобы вычеркнуть запись из реестров бессмертной феи Цзинь-хуань.

– Прекрасно! – ответил буддийский монах.

С этими словами они разошлись.

«Наверное, они явились неспроста, – подумал Чжэнь Ши-инь. – Нужно было расспросить их. Но теперь все равно уже поздно!»

И как раз в тот момент, когда Чжэнь Ши-инь шел, погруженный в размышления, ему повстречался ученый-конфуцианец, живший по соседству в храме Хулумяо. Звали этого чело-

¹² Праздник фонарей – отмечается по окончании праздника Весны (Китайского Нового года) 15-го числа 1-го месяца по китайскому лунному календарю.

века Цзя Хуа, а прозвище у него было Ши-фэй. Кроме того, он был известен под именем Цзя Юй-цунь. Он направлялся навстречу Чжэнь Ши-иню.

Цзя Юй-цунь происходил из образованной чиновничьей семьи округа Хучжоу. Появился он на свет в то время, когда их семья переживала период упадка и состояние, нажитое его предками, почти полностью иссякло. Остальные члены семьи либо отправились в иной мир, либо разбрелись по свету, и Цзя Юй-цунь оказался один-одинешенек. На родине оставаться больше не было никакого смысла, и Цзя Юй-цунь отправился в столицу, надеясь выдержать экзамены и поправить дела своей семьи. Сюда он попал два года назад и задержался, найдя приют в храме. На жизнь себе он зарабатывал тем, что переписывал и составлял деловые бумаги. Чжэнь Ши-инь часто сталкивался с ним.

Завидев Чжэнь Ши-иня, Цзя Юй-цунь поздоровался с ним и спросил:

– Что это вы, почтенный, стоите, прислонившись к воротам, и так внимательно смотрите на улицу? Что-нибудь случилось?

– Нет, – с улыбкой отвечал Чжэнь Ши-инь. – Дочка заплакала, и я решил выйти ее развлечь. А вообще – скучно. Как хорошо, что вы пришли, брат Цзя Юй-цунь! Заходите, пожалуйста, скоротаем вместе этот бесконечный день!

Он передал девочку на попечение служанки, взял Цзя Юй-цуна под руку и направился в кабинет.

Мальчик-слуга подал чай. Но едва завязалась беседа, как кто-то из домочадцев прибежал к Чжэнь Ши-иню с вестью:

– Пришел почтенный господин Янь и желает справиться о вашем здоровье.

– Простите, – вскакивая с места, проговорил Чжэнь Ши-инь, обращаясь к собеседнику, – я вас на некоторое время покину.

– Как вам будет угодно, почтенный друг, – ответил Цзя Юй-цунь, тоже подымаясь. – Ведь я у вас частый гость – что за беда, если придется немного подождать?!

Чжэнь Ши-инь вышел из кабинета и отправился в гостиную.

Оставшись в одиночестве, Цзя Юй-цунь от нечего делать взял книгу стихов и стал ее перелистывать. Неожиданно под окном послышался кашель. Цзя Юй-цунь встал и выглянул наружу – оказалось, это служанка рвала возле дома цветы. Красавицей ее назвать нельзя было, но изящные манеры, тонкие брови и чистые глаза привлекали внимание и вызывали волнение.

Пораженный Цзя Юй-цунь, сам того не замечая, стал пристально следить за каждым ее шагом. А девушка, собрав букет, намеревалась уходить. Случайно подняв голову, она заметила в окне человека в старой одежде, с потрепанной повязкой на голове. С первого взгляда можно было определить, что он беден, но дородная плотная фигура, широкий лоб, большой, резко очерченный рот, густые, похожие на изогнутый нож брови, прямой нос, округлые щеки и глаза, сияющие, как звезды, выдавали в нем человека необыкновенного.

Девушка быстро повернулась и убежала, думая про себя: «Какой представительный с виду, а одет в лохмотья! У нас в семье как будто нет бедных родственников и друзей. Должно быть, это тот самый Цзя Юй-цунь, о котором все время говорит хозяин. И, наверное, он прав, когда утверждает, что Цзя Юй-цунь «не такой человек, которому придется долго жить, в нужде». Моему хозяину давно хочется помочь ему деньгами, но все не представляется случая!»

Она невольно обернулась еще раз. Цзя Юй-цунь заметил это и решил, что понравился девушке.

«Эта девушка, – подумал он, – совсем необычная и, пожалуй, могла бы стать верной подругой среди жизненных треволнений».

Такая мысль доставила Цзя Юй-цуню необыкновенную радость.

Потом вошел мальчик-слуга, от которого Цзя Юй-цунь узнал, что гость остался ужинать. Дальше ждать было бесполезно, и Цзя Юй-цунь незаметно удалился через боковую калитку.

Вскоре Чжэнь Ши-инь распрощался с гостем и вернулся в кабинет. Узнав об уходе Цзя Юй-цуня, он не пошел за ним.

Наступил праздник середины осени¹³. Когда окончилось семейное торжество, Чжэнь Ши-инь распорядился приготовить угощение у себя в кабинете, а вечером сам отправился в храм, чтобы пригласить Цзя Юй-цуня.

Между тем Цзя Юй-цунь, увидевший в доме Чжэнь Ши-иня служанку, все время вспоминал о ней, мысленно называя ее подругой жизни. И вот сейчас, в праздник середины осени, он не выдержал и, обратив свой взор к луне, сочинил стихотворение:

Может печально, но
та, к которой стремился,
Отягощала лишь
грустью досужие мысли.
Нахлынув, тоска
омрачила тенями чело мне.
Хотя бы одна —
уходя, оглянется ли, вспомнит?

Нынче гляжу,
тень моя бродит за ветром.
Будет ли друг
вместе ступать лунным светом.
Как подслушав, луна
луч протянула, но прежде
Прикоснулась слегка
к прядям прелестницы нежно.

Прочитав стихи, Цзя Юй-цунь вдруг вспомнил, к чему он стремился в жизни, вспомнил то время, когда ему еще не приходилось сталкиваться с лишениями, и, почесав затылок, снова обратился к небу и со вздохом прочитал двустишие:

Томится в шкатулке нефрит – выжидает, дабы его оценили*. И шпилька в футляре тоскует – желает расправить незримые крылья*.

В это время к Цзя Юй-цуню незаметно подошел Чжэнь Ши-инь и, услышав стихи, с улыбкой сказал:

– А у вас и в самом деле необыкновенные устремления, брат Юй-цунь!

– Что вы! – поспешно возразил Цзя Юй-цунь. – Я просто произнес стихи, написанные нашими предками. Почему вы меня так расхваливаете? – И затем спросил у Чжэнь Ши-иня: – Что привело вас сюда, почтенный друг?

– Сегодня ночью – праздник середины осени, или, как говорят в народе, «праздник полной луны», – улыбаясь, проговорил Чжэнь Ши-инь. – Живя в храме, вы, наверное, скучаете, уважаемый брат, поэтому я приготовил угощение и приглашаю вас в свое убогое жилище. Осмелюсь спросить, не согласитесь ли вы отведать моего скромного угощения?

Цзя Юй-цунь не стал уклоняться от приглашения и с улыбкой сказал:

– Я удостоился такой милости незаслуженно, как же я посмею отказываться?

Они оба отправились в кабинет. Там они выпили чаю, потом перед ними поставили кубки и блюда. Нечего и говорить о том, какие были поданы великолепные вина и изысканные яства.

¹³ Праздник середины осени приходится на 15-е число восьмого месяца по старому (лунному) календарю.

Друзья не торопясь выпили вина. Беседа постепенно оживилась, и они стали все чаще поднимать кубки. В соседних домах тоже веселились, повсюду слышались звуки свирелей, флейт и дудок, во всех дворах играли и пели.

И вот на небосклон всплыла ослепительно яркая луна и застыла в радужном сиянии. При лунном свете беседа друзей потекла еще веселее и непринужденнее, они не переставая осушали свои кубки. Вскоре Цзя Юй-цунь был пьян. Охваченный безумным весельем, он обратился к луне и произнес такие стихи:

На пятнадцатый день вижу вновь полнолуние —
сверкающий диск воспарил,
И гладит сиянье холодное снова
яшмовый облик перил.
Едва поднялась лишь луна в вышине
небесной, как в этот же миг
Уж сотни и тысячи взоров людских
прикованы к ней как один.

– Великолепно! – вскричал Чжэнь Ши-инь, выслушав друга. – Я всегда говорил, что вы, брат мой, не из тех людей, которые долгое время остаются ниже других! Стихи, которые вы только что продекламировали, настолько хороши, что я склонен считать их добрым предзнаменованием. Я уверен, что в скором времени вы вознесетесь в заоблачные выси. Заранее поздравляю вас!

Цзя Юй-цунь осушил кубок, наполненный Чжэнь Ши-инем, но потом вдруг вздохнул и произнес:

– Не подумайте, что я болтаю спьяна! По знаниям я вполне мог бы вписать свое имя в число экзаменуемых в столице! Но, к сожалению, на переписке бумаг не скопишь столько денег, чтобы приобрести все необходимое для поездки в столицу и оплатить дорожные расходы.

– Почему, брат мой, вы не сказали мне об этом раньше? – перебил его Чжэнь Ши-инь. – Я давно хотел вам помочь, но при встрече мне ни разу не удавалось завести об этом речь. Признаюсь, я человек бездарный, но знаю, что такое «справедливость» и «благоденствие». В будущем году состоятся большие экзамены¹⁴, и вам надо поскорее попасть в столицу. Лишь в том случае, если вы добьетесь успеха, учение не пропадет даром. Все дорожные расходы я беру на себя – может быть, хоть этим я немного оправдаю свое знакомство с вами, которого я не достоин.

Он тотчас же приказал мальчику-слуге упаковать две пары зимней одежды и пятьдесят лян серебра, а затем добавил:

– Девятнадцатого числа счастливый день, и вы можете нанять лодку и отправиться на запад. Разве для меня не будет великой радостью, если вы возвыситесь и мы с вами встретимся на будущую зиму?!

Приняв деньги и одежду, Цзя Юй-цунь только сдержанно поблагодарил и продолжал пить вино, беседовать и смеяться.

Оба друга расстались лишь после третьей стражи¹⁵. Чжэнь Ши-инь сразу лег спать и проснулся, когда солнце уже высоко стояло над землей.

¹⁴ Имеются в виду государственные экзамены на чиновничью должность, проводившиеся в столице один раз в три года.

¹⁵ В старом Китае ночное время делилось на отрезки времени продолжительностью в два часа, которые назывались стражей. Стража наступала с 7 часов вечера. Таким образом, третья стража приходилась на отрезок времени с 11 часов вечера до 1 часа ночи.

Подумав о том, что произошло накануне вечером, Чжэнь Ши-инь решил написать в столицу два рекомендательных письма, чтобы Цзя Юй-цунь мог навестить одного служилого человека и временно остановиться у него. Однако посланный за Цзя Юй-цунем слуга вскоре возвратился и доложил:

– Монах сказал мне, что господин Цзя Юй-цунь на рассвете во время пятой стражи отправился в столицу и велел передать вам: «Ученый человек не верит в счастливые или несчастные дни. Для него главное – суть дела. Не имею времени проститься с вами лично».

Чжэнь Ши-иню пришлось удовольствоваться этим ответом.

Время летело незаметно, и вот наступил праздник фонарей. Чжэнь Ши-инь велел служанке Хо-ци взять Ин-лянь и пойти на улицу полюбоваться новогодними фонарями. В полночь служанке захотелось сходить по малой нужде. Она посадила Ин-лянь на пороге какого-то дома, а сама отошла. Вернувшись, она хотела взять Ин-лянь на руки и тут обнаружила, что девочка исчезла.

Долго искала она девочку, но так и не нашла. Наступил рассвет. Не смея возвратиться к хозяевам, Хо-ци скрылась.

Чжэнь Ши-иня и его жену очень обеспокоило, что служанка с их дочерью долго не возвращается, и они послали людей на поиски. Но те вскоре возвратились и сообщили, что не обнаружили никаких следов пропавшей.

Можно представить себе горе родителей, у которых пропало единственное дитя! Дни и ночи плакали они и совершенно перестали заботиться о себе. Через месяц заболел Чжэнь Ши-инь. Госпожа Чжэнь тоже почувствовала себя плохо, каждый день приглашала лекаря да занималась гаданием о судьбе.

Случилось так, что в пятнадцатый день третьего месяца в храме Хулумяо совершалось жертвоприношение; монах по неосторожности опрокинул светильник, и от него загорелась бумага в окне¹⁶. Может быть, так распорядилась судьба, но, во всяком случае, во всех домах были деревянные стены и бамбуковые ограды, и пожар быстро охватил всю улицу. На помощь подоспели солдаты, но спасти ничего не удалось. Пожар бушевал всю ночь, в огне погибло множество людей.

Чжэнь Ши-инь жил рядом с храмом, и дом его превратился в груду пепла; только жена его да несколько домашних благодаря счастливой случайности не пострадали. Взволнованный и расстроенный Чжэнь Ши-инь, спотыкаясь, бродил вокруг пожарища и горестно вздыхал.

Потом он посоветовался с женой и решил перебраться на жительство в деревню. Но, как назло, в последние годы был неурожай, да еще появились разбойники. Хотя их вылавливали правительственные войска, в деревне было неспокойно. Пришлось себе в убыток продать все имущество и вместе с женой и двумя служанками переехать к тестю.

Тестя Чжэнь Ши-иня звали Фын Су. Он был уроженцем округа Дажучжоу и, хотя занимался только земледелием, все же жил богато. Теперь, когда зять оказался в затруднительном положении и явился к нему, старик почувствовал неудовольствие. К счастью, у Чжэнь Ши-иня были деньги, вырученные от продажи имущества, и он попросил Фын Су на собственное усмотрение купить для него дом и немного земли, чтобы можно было кое-как одеваться и кормиться. Однако Фын Су обманул зятя – он утаил часть денег, а Чжэнь Ши-иню купил участок земли похуже и полуразвалившийся домишко.

Чжэнь Ши-инь был человек образованный, он не привык заниматься хозяйством и потому через два года совсем обеднел. Правда, Фын Су обращался с ним вежливо, но за глаза любил позлословить, что, мол, зять его не умеет жить, ленится работать, а любит лишь вкусно поесть да сладко попить.

¹⁶ В Китае окна обычно заклеивались плотной бумагой, заменявшей стекло.

Чжэнь Ши-иню становилось неприятно, когда он узнавал о таких разговорах. К тому же в памяти его еще были живы картины минувших лет. Посудите сами, каково человеку, дожившему до преклонного возраста, выдерживать один за другим безжалостные удары судьбы?

Сам того не желая, Чжэнь Ши-инь стал время от времени подумывать о смерти. Однажды, опираясь на костыль, он вышел на улицу, чтобы немного рассеяться, и увидел безумного даосского монаха в лохмотьях и грубых матерчатых туфлях, который приближался к нему и бормотал:

Кто же в миру не стремился к бессмертным
– завиден этот удел.
Вот только тревоги об имени добром
никак не покинут людей.
Где же теперь полководцы бывшие,
от нынешних есть ли хоть след?
В сраженьях пропали, сгинули в битвах —
в земле нету места от тел.

Кто же в миру не стремился к бессмертным
– завиден этот удел.
Вот только тревоги о злате слепящем
никак не покинут людей.
Всякому кажется, мол, слишком мало
скопил серебра он за век.
Богатство приходит – смыкаются веки,
и участи он не избег.

Кто же в миру не стремился к бессмертным
– завиден этот удел.
Вот только тревоги о спутнице верной
никак не покинут людей.
Коль жив супруг, то любимая рядом,
спешит угодить и пригреть.
А как скончается – в новом наряде,
не зная тоски от потерь.

Кто же в миру не стремился к бессмертным
– завиден этот удел.
Вот только тревоги о детях да внуках
никак не покинут людей.
Слухами о милосердьи родительском
издревле полнится свет.
Но хочется, чтоб и почтенье потомков
мне довелось углядеть!

Приблизившись к монаху, Чжэнь Ши-инь спросил:

– Что это вы такое говорите, я только слышу «завиден удел» да «покинут людей»?

– Если вы слышали слова «завиден удел», и «покинут людей», значит, вы все поняли! – засмеялся даос. – Ведь вам же известно, что «завидно» всему, что «покинет», а «покинет»

все, чему «завидно», не «покинет» все то, чему не «завидно», и не «завидно» тому, что не «покинет». Поэтому моя песенка и называется «О том, чему завидно, и о том, что покинет».

Чжэнь Ши-инь был человек догадливый и, когда услышал слова монаха, улыбнулся и сказал:

– Постойте, разрешите мне дать толкование вашей песенке «О том, чему завидно, и о том, что покинет».

– Что же, пожалуйста, толкуйте! – сказал монах.

Чжэнь Ши-инь прочитал:

В просторных палатах, где жизнь отгремела,
Плашки гостей*
устилают остывшее ложе.
Некогда – площадь для песен, теперь же —
Жухлые травы
и тополь чернеет иссохший.
Балки, углы
оплели паутины лохмотья.
Убраны окна
сегодня завесой зеленой.
Не блекнут густые румяна,
помада как прежде блестит:
Тогда – отчего, непонятно
вдруг иней подернул виски?
Вчера лишь присыпали горстку земли
покойнику – белым костям.
Но вновь молодые под пологом алым
сходятся на радостях.
От серебра и от золота
ломаются сундуки.
Впадешь в нищету в одночасье —
никто не подаст и руки.
Вздохнешь над иным, как мало отмерено
смертному жить под луной.
Но можешь ли ведать, что сам возвратишься
под вечер обратно домой?
Будь отпрыск хоть трижды учен,
Навряд ли спокоен родитель,
что этим он будет спасен.
Кто в кушаньях больно разборчив,
Возможно, в глухих переулках
век свой бесславно окончит.
Смотревший с презреньем
на шапки у низших по чину.
В колодки закован —
другим в назиданье низринут.
Кто помнит, как раньше
он в рубище мерз, изнывая,
Тому и шелка одеяний
сейчас отвращенье внушают.

Все только шум, суета и возня.
Ты песню закончил
– так слушай, вот песня моя.
Казалась чужой тебе та сторона —
нынче почти что родная земля.
Все – чепуха, пересуды и бред.
Даже на свадьбу наряд мы подносим
только другим – не себе*.

Даос радостно захлопал в ладоши и воскликнул:

– Разгадал, разгадал!

– Что ж, пошли, – произнес Чжэнь Ши-инь.

Он взял у даоса суму, перекинул ее через плечо и, не заходя домой, последовал за ним. Едва они скрылись из виду, как на улице поднялся переполох, люди из уст в уста передавали о случившемся.

Госпожа Чжэнь была совершенно убита известием об исчезновении мужа. Посоветовавшись с отцом, она отправила людей на поиски, но все было напрасно – посланные возвратились ни с чем. Делать было нечего – пришлось госпоже Чжэнь жить за счет родителей.

К счастью, при ней были две преданных служанки. Они помогали своей хозяйке вышивать, та продавала вышивки и, таким образом, частично возмещала расходы отца на ее содержание. Правда, Фын Су все время роптал, но так как выхода никакого не было, вынужден был мириться с создавшимся положением.

Однажды служанка из семьи Чжэнь, покупая нитки у ворот дома, услышала на улице крики:

– Дорогу! Дорогу!

– Это едет наш новый начальник уезда! – говорили прохожие.

Девушка украдкой выглянула за ворота и увидела, как мимо нее беглым шагом прошли солдаты и служители ямыня, а за ними в большом паланкине пронесли чиновника в черной шапке и красном шелковом халате. У служанки подкосились ноги от страха, и в голове ее пронеслась мысль: «Какое знакомое лицо у этого чиновника! Где я его видела?» Девушка вернулась в дом и вскоре позабыла о случившемся. А вечером, когда все собирались спать, раздался страшный стук в ворота и гул множества голосов:

– Начальник уезда требует хозяина дома на допрос!

Фын Су онемел от испуга и только бессмысленно таращил глаза.

Если вы хотите знать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

####¹⁷

¹⁷ Конец главы (кит.).

Глава вторая, в которой говорится о том, как жена Линь Жу- хая, урожденная Цзя, умерла в городе Янчжоу и как Лэн Цзы-син рассказывал о дворце Жунго

Услышав крики, Фын Су вышел за ворота и с подобострастной улыбкой спросил, в чем дело.

– Подавай нам господина Чжэня! – кричали люди.

– Моя фамилия Фын, а не Чжэнь, – робко улыбаясь, возразил Фын Су. – Правда, у меня был зять по фамилии Чжэнь, но вот уже два года, как он ушел из дому. Вы, может быть, о нем спрашиваете?

– Мы ничего не знаем! – отвечали служители ямыня. – Нам все равно – «Чжэнь» или «Цзя»¹⁸. Раз твоего зятя нет, мы тебя самого доставим к начальнику уезда.

Они схватили Фын Су и, грубо толкая его, удалились.

В доме Фын Су поднялся переполох, никто не знал, что случилось. И когда во время второй стражи Фын Су вернулся, домашние бросились к нему с расспросами.

– Оказывается, начальник уезда – старый друг моего зятя, – объяснил Фын Су. – Зовут его Цзя Юй-цунь. Увидев у ворот нашу служанку Цзяо-син, которая покупала нитки, он решил, что мой зять живет здесь, и прислал за ним. Когда я подробно изложил господину начальнику все обстоятельства дела, он тяжело вздохнул, затем спросил меня о внучке. Я ответил: «Внучка пропала в праздник фонарей». – «Ничего, погоди немного, – пообещал он мне. – Я pošлю людей, и они непременно ее разыщут». А когда я собрался уходить, он подарил мне два ляна серебра.

Разговор этот расстроил госпожу Чжэнь, и за весь вечер она не проронила ни слова.

На следующее утро посланцы Цзя Юй-цуня принесли госпоже Чжэнь два ляна серебра, четыре куска узорчатого атласа, а Фын Су вручили запечатанное письмо, в котором содержалась просьба начальника уезда, чтобы он уговорил госпожу Чжэнь отдать ему в наложницы служанку Цзяо-син.

Фын Су расплылся в счастливой улыбке. Ему так хотелось угодить начальнику уезда, что он тут же на все лады принялся уговаривать свою дочь, и в тот же вечер в небольшом паланкине отправил Цзяо-син в ямынь. На радостях Цзя Юй-цунь прислал в подарок Фын Су еще сто ляна серебра и щедро одарил госпожу Чжэнь, чтобы она могла безбедно существовать в ожидании, пока отыщется ее дочь.

Цзяо-син была той самой служанкой, которая когда-то оглядывалась на Цзя Юй-цуня в саду Чжэнь Ши-иня. Взгляд, украдкой брошенный на Цзя Юй-цуня, принес девушке счастье. Трудно и представить себе более удивительное стечение обстоятельств!

Но мало того – судьба оказалась вдвойне благосклонной к ней: не прошло и года, как она родила сына, а еще через полгода умерла от болезни законная жена Цзя Юй-цуня, и Цзяо-син сделалась полновластной хозяйкой в доме. Вот уж поистине: «Один случайный взгляд ее возвысил».

А произошло все это так: Цзя Юй-цунь взял деньги, данные ему Чжэнь Ши-инем на дорогу, и шестнадцатого числа отправился в столицу; там он блестяще выдержал экзамены,

¹⁸ «Чжэнь», «цзя» – игра слов. «Чжэнь» – значит истинный, «цзя» – ложный.

благодаря чему получил степень цзиньши¹⁹, попал в число кандидатов на вакантные должности вне столицы и сейчас был назначен начальником этого уезда.

Цзя Юй-цунь обладал незаурядными способностями, но был корыстолюбив, завистлив и жесток. Возгордившись своими талантами, он вел себя надменно, и сослуживцы всегда смотрели на него искоса. Таким образом, уже через год высшее начальство подало императору доклад о том, что Цзя Юй-цунь лишь «с виду способен, душою – коварен и хитер». Поэтому одного обвинения, что он связался с деревенскими шэньши²⁰, потворствовал мелким взяточникам и казнокрадам, оказалось достаточно, чтобы император разгневался и повелел снять его с должности. Когда пришел приказ из ведомства, чиновники всего уезда открыто обрадовались. Цзя Юй-цунь, конечно, был удручен и пристыжен, но не выразил ни малейшего недовольства – шутил и смеялся как ни в чем не бывало.

Сдав служебные дела, он собрал накопленные за год деньги, отправил их вместе с семьей и со всеми домочадцами на родину, а сам, как говорится, оставшись с ветром в мешке да с луной в рукаве, пустился странствовать по прославленным историческим местам Поднебесной.

Попав однажды в Вэйян, Цзя Юй-цунь прослышал, что сборщиком соляного налога в этой местности в нынешнем году назначен Линь Жу-хай, уроженец города Гусу.

Линь Жу-хай значился третьим в списках победителей на предыдущих экзаменах и ныне возвысился до положения дафу Орхидеевых террас²¹. Получив указ императора о назначении на должность сборщика соляного налога, он недавно прибыл к месту службы.

Когда-то предок Линь Жу-хая в пятом колене получил титул лехоу²². Первоначально титул был пожалован с правом наследования в течение трех поколений. Но так как ныне правящий император славится своими добродетелями, он милостиво распорядился продлить привилегии еще на одно поколение – до отца Линь Жу-хая включительно, а Линь Жу-хай и его потомки должны были уже добиваться звания на государственных экзаменах.

Линь Жу-хай был выходцем из служилой семьи, члены которой могли наследовать должности, не сдавая экзаменов. Но тем не менее семья его относилась к числу образованных. К сожалению, род Линь был немногочислен, и хотя он насчитывал еще несколько семей, все их члены приходились отдаленными родственниками Линь Жу-хаю и не имели с ним прямого кровного родства.

Линь Жу-хаю было пятьдесят лет. Его единственный сын в прошлом году умер трех лет от роду. Кроме законной жены, у Линь Жу-хая было несколько наложниц, но судьба не послала ему сыновей – и тут уж ничего поделать было невозможно. Одна лишь законная жена, урожденная Цзя, родила ему дочь, которой дали имя Дай-юй. Сейчас ей исполнилось пять лет, и супруги берегли ее как зеницу ока.

Линь Дай-юй была умной и способной девочкой, и родители, не имея прямого наследника, решили учить ее грамоте и воспитывать так, как воспитывали бы сына, пытаясь тем самым хоть немного скрасить свое одиночество.

Между тем Цзя Юй-цунь, живя в гостинице, простудился и заболел. Оправившись от болезни, он решил во избежание лишних расходов где-нибудь на время пристроиться, чтобы, как говорится, можно было снять с плеч ношу. Случайно ему повстречались два старых друга, которые были знакомы со сборщиком соляного налога. Они знали, что Линь Жу-хай собирается пригласить учителя для своей дочери, и рекомендовали ему для этой цели Цзя Юй-цуня.

¹⁹ Цзиньши – ученая степень в старом Китае, дававшая право на занятие чиновничьей должности.

²⁰ Шэньши – деревенские богачи, составлявшие господствующую прослойку в старой китайской деревне.

²¹ Дафу Орхидеевых террас – литературное обозначение цензора.

²² Лехоу – княжеский титул второй степени в феодальном Китае.

Ученица была еще мала, слаба здоровьем, и для занятий время твердо не устанавливалось. С нею вместе учились лишь две девочки-служанки. Таким образом, Цзя Юй-цуню не приходилось особенно утруждать себя, и вскоре он поправился.

Цзя Юй-цунь не успел оглянуться, как снова пролетел год. И тут случилось несчастье – мать ученицы, госпожа Цзя, заболела и вскоре умерла.

Дай-юй ухаживала за матерью во время болезни, подавала ей лекарства, а после ее смерти строго соблюдала траур. Она слишком много плакала и убивалась, а так как от природы была слабой и хилой, вскрылась ее старая болезнь, и она долгое время не могла посещать занятия.

Цзя Юй-цунь, скучавший от безделья, в ясные солнечные дни после обеда отправлялся гулять. Однажды, желая насладиться живописным деревенским пейзажем, он вышел за город и, бродя без цели, очутился в незнакомом месте. Вокруг высились крутые, поросшие лесом горы, в ущелье бурлила река, берега которой поросли густым бамбуком, а немного поодаль, среди зелени, виднелся древний буддийский храм. Ворота его покосились, со стен обвалилась штукатурка, но над входом сохранилась горизонтальная надпись: «Кумирня, где постигают мудрость». По обе стороны ворот видны были две старые, полустертые надписи, которые гласили:

Имея за душой богатство,
и смерти не уступишь грош;
Пути не видя пред глазами,
назад дорогу изберешь.

Прочитав надпись, Цзя Юй-цунь задумался: «Слова как будто самые простые, но в них скрыт глубочайший смысл. Я обошел много знаменитых гор, бывал в монастырях, но нигде не встречал подобного изречения. Наверное, здесь есть человек, познавший истину. Может быть, зайти?»

Цзя Юй-цунь вошел в храм и увидел дряхлого монаха, варившего рис. Он не обратил внимания на преклонный возраст монаха, подошел к нему и задал вопрос, затем другой, но монах оказался глухим и невежественным, вдобавок у него давно выпали зубы, язык едва ворочался, и в ответ на вопросы Цзя Юй-цуня он шамкал что-то, но совсем не то, о чем его спрашивали.

Цзя Юй-цунь потерял терпение и вышел из храма с намерением зайти в сельский трактир и выпить кубка три вина, надеясь, что оно поднимет его интерес к здешним живописным местам.

Переступив порог трактира, Цзя Юй-цунь заметил нескольких посетителей, сидевших за столиками. Вдруг один из них встал, громко рассмеялся и с распростертыми объятиями бросился к Цзя Юй-цуню, восклицая:

– Вот так удивительная встреча! Вот так встреча!

Цзя Юй-цунь внимательно присмотрелся и узнал Лэн Цзы-сина, торговца антикварными изделиями, с которым он давно познакомился в столице.

Цзя Юй-цунь всегда восхищался энергией и способностями Лэн Цзы-сина, а тот, в свою очередь, часто пользовался услугами Цзя Юй-цуня, благодаря чему они крепко сдружились.

– Когда вы сюда прибыли, мой почтенный брат? – заулыбавшись, спросил Цзя Юй-цунь. – Я и не предполагал встретиться с вами! Право, нас свела судьба!

– В конце прошлого года я приехал домой, – объяснил Лэн Цзы-син. – Сейчас мне пришлось возвращаться в столицу. По пути я завернул к старому другу, и он задержал меня на два дня у себя. Кстати, у меня нет срочных дел, и я могу тронуться в путь в середине месяца! Но сегодня мой друг занят, и я от нечего делать забрел сюда. И вот неожиданная встреча!

Он предложил Цзя Юй-цуню место на циновке, заказал вина и закусок, потом они сели и принялись рассказывать друг другу о том, что им пришлось пережить после того, как они расстались.

– Вы получали какие-нибудь новости из столицы? – спросил Цзя Юй-цунь.

– Пожалуй, никаких, – ответил Лэн Цзы-син. – Только вот в семье вашего уважаемого родственника произошел довольно странный случай.

– У меня в столице нет никаких родственников, – улыбнулся Цзя Юй-цунь. – К чему вы это сказали?

– У вас одна и та же фамилия, и разве это не означает, что вы принадлежите к одному роду? – спросил Лэн Цзы-син.

– Какому роду?

– Роду Цзя из дворца Жунго, – ответил Лэн Цзы-син. – Неужто вы считаете для себя зазорным иметь такую родню?

– Так вот вы о ком! – воскликнул Цзя Юй-цунь. – Если так рассуждать, то в нашем роду действительно людей немало. Еще при Цзя Фу, жившем во времена Восточной Хань²³, появилось множество отпрысков рода Цзя, которые расселились по всем провинциям, так что доподлинно невозможно установить, кто кому и каким родственником приходится. Что касается рода Жунго, то мы с ним действительно принадлежим к одной родословной ветви. Однако род Жунго настолько прославился, что нам стало неудобно заявлять о своем родстве с ним, вот почему между нами возникло отчуждение.

– Зря вы так говорите, почтенный учитель! – вздохнул Лэн Цзы-син. – Нынешнее положение домов Жунго и Нинго не сравнить с прежним – во всем там чувствуется упадок и запустение.

– Но ведь еще недавно во дворцах Жунго и Нинго была уйма народу! – удивился Цзя Юй-цунь. – О каком запустении идет речь?

– Право же, это длинная история, – сказал Лэн Цзы-син.

Цзя Юй-цунь продолжал:

– В прошлом году я проезжал через Цзиньлин. Намереваясь осмотреть исторические памятники эпохи Шести династий²⁴, я побывал в Шитоучэне, и мне довелось проходить мимо этих дворцов. Они расположены совсем рядом и занимают добрую половину улицы, дворец Нинго находится на ее восточной стороне, дворец Жунго – на западной. У главных ворот действительно было пусто и безлюдно. Я заглянул внутрь через наружную каменную ограду: там высились залы и гостиные, башни и палаты, а за ними в саду все так же пышно зеленели густые деревья, громоздились искусственные каменные горки. Ничто не напоминало семью, пришедшую в упадок.

Лэн Цзы-син усмехнулся:

– Сразу видно, что вы добиваетесь всего только трудом! Поэтому ничего и не поняли! Ведь древние говорили, что «сороконожка и после смерти не падает». Правда, живут эти семьи сейчас не так роскошно, как в прежние годы, но намного лучше, чем простые служилые люди. Ныне у них с каждым днем становится все многочисленнее, усложняется хозяйство, господа и слуги наслаждаются покоем и богатством, и никто из них не думает о хозяйственных делах и не заботится о том, чтобы жить поскромнее. Спесь все еще не сошла с них, но карман уже давно пуст. Да это все пустяки, есть кое-что поважнее: в такой приличной и знатной семье, где каждое приглашение к столу торжественно возвещается ударами гонга, нынешнее молодое поколение – сыновья и внуки – все более и более деградирует.

– Неужели в таких порядочных семьях столь пренебрежительно относятся к воспитанию детей? – усомнился Цзя Юй-цунь. – Я не могу ничего сказать о других ветвях рода Цзя, но мне всегда казалось, что семьи Нинго и Жунго в этом отношении могут служить примером. И как они дошли до такого положения?

²³ Восточная Хань – династия, правившая с 25 по 220 г.

²⁴ Шесть династий – период в истории Китая с III по VI в.

– А речь идет именно об этих двух семьях, – вздохнул Лэн Цзы-син. – Сейчас я вам все расскажу. Нинго-гун²⁵ и Жунго-гун были единоутробными братьями. Старший, Нинго-гун, имел двух сыновей. После смерти Нинго-гуна должность перешла по наследству к старшему сыну – Цзя Дай-хуа, у которого тоже было двое сыновей. Старшего из них звали Цзя Фу, и умер он в возрасте восьми-девяти лет. В живых остался только второй сын – Цзя Цзин, который и унаследовал титул и должность отца. Ныне он увлекся учением даосов, плавит киноварь, прокаливает ртуть, пытаясь найти эликсир бессмертия, и больше ничем в мире не интересуется. Счастье еще, что у него в молодости родился сын – Цзя Чжэнь, и Цзя Цзин, которым овладела единственная мечта – сделаться бессмертным, передал ему свою должность, а сам свел знакомства с какими-то даосами, не желает жить дома и все время проводит за городом. Цзя Чжэнь имеет сына – Цзя Жуна, которому в нынешнем году минуло шестнадцать лет. Цзя Цзин совершенно не интересуется делами, а Цзя Чжэню заниматься ими недосуг, ибо у него на уме одни лишь развлечения, он перевернул вверх дном дворец Нинго, и никто не смеет его одернуть. А теперь послушайте о дворце Жунго: именно здесь произошла та странная история, о которой я только что упомянул. После смерти Жунго-гуна должность его по наследству перешла к старшему сыну Цзя Дай-шаню, который в свое время женился на девушке из знатного цзиньлинского рода Ши-хоу. Она родила ему двух сыновей, старшего из которых зовут Цзя Шэ, а младшего – Цзя Чжэн. Цзя Дай-шаня уже давно нет в живых, и его жена живет вдовой. Должность унаследовал старший сын Цзя Шэ. Это человек весьма посредственный, хозяйственными делами он совсем не занимается. И только брат его – Цзя Чжэн – с самого детства отличался честностью и прямоотой, любил науки, и дед, не чаявший в нем души, хотел, чтобы он сдал государственные экзамены и получил должность. Будучи уже на смертном одре, Цзя Дай-шань написал прошение императору, и государь, всегда благосклонно относившийся к своему преданному слуге, повелел ему передать титул и должность старшему сыну, а всех остальных сыновей немедленно представить ему. Благодаря этому Цзя Чжэн получил тогда должность делопроизводителя. Ныне он возвысился до положения внештатного лана²⁶. Его жена – урожденная Ван – родила ему сына Цзя Чжу, который в возрасте четырнадцати лет поступил в школу и вскоре женился: у него родился мальчик, а сам он заболел и умер, не дожив даже до двадцати лет. Затем госпожа Ван родила дочь, которая появилась на свет в первый день Нового года, что само по себе уже очень удивительно. Прошло еще более десяти лет, и вдруг у нее опять рождается сын. И самое удивительное то, что едва мальчик вышел из материнского чрева, как во рту у него обнаружили кусок яшмы, сверкавшей всеми цветами радуги, и на поверхности ее сохранились следы иероглифов! Ну скажите, разве это не новость?

– В самом деле, удивительно, – улыбнулся Цзя Юй-цунь. – Пожалуй, у этого мальчика необыкновенная история.

– Так все говорят, – усмехнулся Лэн Цзы-син, – потому и бабушка его любит. Когда мальчику исполнился год, господин Цзя Чжэн решил испытать его наклонности. Он разложил перед ним самые разнообразные предметы, чтобы посмотреть, к чему сын потянется. Но неожиданно для него мальчик протянул ручки, схватил белила, румяна, шпильки и кольца и начал ими играть. Это очень не понравилось господину Цзя Чжэну, он сказал, что сын будет увлекаться только вином и женщинами. И с тех пор отец невзлюбил его. Только бабушка без ума от внука. Но вот что поразительно: сейчас ему десять лет, и хотя он избалован, однако умен и развит не по годам – едва ли найдется один такой на сотню детей его возраста! И рассуждения у него странные. «Женщины, – говорит он, – созданы из воды, мужчины – из грязи. При виде женщин меня охватывают радость и блаженство, а когда я вижу мужчин, от их зловония меня тошнит». Не смешно ли это? Наверное, из него выйдет отчаянный повеса!

²⁵ Гун – титул знатности I степени в феодальном Китае.

²⁶ Лан – звание чиновников в высших государственных учреждениях в старом Китае.

– Не совсем так, – произнес Цзя Юй-цунь, и лицо его приняло суровое выражение. – Мне очень жаль, что вы не понимаете истории происхождения этого мальчика! Мне кажется, что господин Цзя Чжэн в одном из своих прежних воплощений был ошибочно принят за развратника. Но все это может понять только тот, кто прочел много книг и не щадил своих сил, стремясь постигнуть сущность вещей, познать истину и осмыслить первопричины жизни.

Серьезный тон Цзя Юй-цуня заставил Лэн Цзы-сина насторожиться, и он попросил своего собеседника разъяснить ему смысл всего вышесказанного.

– Небо и Земля рожают людей, – сказал ему Цзя Юй-цунь, – но все они мало чем разнятся друг от друга, если, конечно, не принимать в расчет людей великой гуманности и великих злодеев. Люди гуманные рождаются по предопределению доброй судьбы, а злодей – по велению злого рока. Первые являются в мир, чтобы установить в нем порядок, вторые – чтобы принести ему бедствия и невзгоды. Яо*, Шунь*, Юй*, Чэн Тан*, Вэнь-ван*, У-ван*, Чжоу-гун*, Шао-гун*, Кун-цзы*, Мын-цзы*, Дун Чжун-шу*, Хань Юй*, Чжоу Дунь-и*, Чэн Хао*, Чжу Си*, Чжан Цай* родились по предопределению судьбы; Чи-ю*, Гун-гун*, Цзе-ван*, Чжоу-ван*, Цинь Ши-хуан*, Ван Ман*, Цао Цао*, Хуань Вэнь*, Ань Лу-шань*, Цинь Куай* явились в мир по велению рока. Люди великой гуманности приводили Поднебесную в порядок, а великие злодеи сеяли в ней смуту. Чистота и разум – проявление доброго начала Вселенной – свойственны людям гуманным. Жестокость и коварство – проявление злого начала Вселенной – свойственны злодеям. Ныне, когда наступили дни великого счастья и благоденствия, мира и спокойствия, дух чистоты и разума властвует безраздельно повсюду, начиная от императорского дворца и кончая самыми глухими уголками страны. Накопившись в избытке, он обильно растекается вокруг, превращается в сладкую росу и ласковый ветерок, которые окропляют и овевают весь мир. Сейчас, когда сияет яркое солнце, дух зла и коварства не может распространяться в воздухе, он сгущается и заполняет глубокие рвы и расселины. Подавляемый ветром и облаками, он стремится вырваться на свободу хотя бы тонкой, как шелковинка, струйкой. Дух чистоты и разума не допускает зла и коварства, а зло и коварство всегда стремятся нанести вред чистоте и разуму. Эти две силы не могут уничтожить друг друга, они борются друг с другом подобно ветру и воде, грому и молнии. Вырвавшись в небольшом количестве на свободу, дух зла проявляется в людях, и если рождаются мужчины или женщины, в которых он успел вселиться, то они не могут стать ни людьми гуманными, ни великими злодеями. Но сопоставьте их с другими, и вы убедитесь, что по уму и способностям они окажутся выше, а по лживости и коварству ниже миллионов простых людей. Рожденные в знатных и богатых домах, они в большинстве случаев становятся развратниками; рожденные в образованных, но обедневших семьях, делаютя отшельниками и приобретают известность; родившись даже в несчастной обездоленной семье, они становятся либо выдающимися актерами, либо знаменитыми гетерами, но никогда не доходят до того, чтобы стать рассыльными или слугами и добровольно подчиняться и угождать какому-нибудь пошлому, тупому обывателю. В древние времена к таким людям относились Сюй Ю*, Тао Цянь*, Юань Цзи*, Цзи Кан*, Лю Линь*, Ван Дань-чжи* и Се Ань, Гу Ху-тоу*, Чэньский Хоу-чжу*, Танский Мин-хуань*, Сунский Хуэй-цзунь*, Лю Тин-чжи, Вэнь Фэй-цин*, Ми Нань-гунь*, Ши Мань-цин*, Лю Ци-цин*, Цинь Шао-ю*, а также Ни Юнь-линь*, Тан Бо-ху*, Чжу Чжи-шань*, Ли Гуй-нянь*, Хуан Фань-чо, Цзин Синь-мо*, Чжо Вэнь-цзюнь, Хун Фу*, Сюэ Тао*, Цуй Инь*, Чао Юнь*. Все эти люди из разных мест, но подчиняются общему правилу.

– По-вашему выходит, что удача делает князем, а неудача – разбойником? – спросил Лэн Цзы-син.

– Именно это я имею в виду, – подтвердил Цзя Юй-цунь. – Ведь вам неизвестно, что после того, как меня сняли с должности, я в течение двух лет странствовал по разным провинциям и видел множество детей. Но в конечном счете всех их можно разделить на две категории, о которых я только что упоминал. Когда вы заговорили о Бао-юйе, я почти угадал в нем

такого человека. Можно привести еще пример. Вам знаком господин Чжэнь, который живет в Цзиньлине и занимает должность начальника провинциальной палаты Благотворительности?

– Кто его не знает?! – воскликнул Лэн Цзы-син. – Семья Чжэнь состоит в родстве с семьей Цзя и очень тесно с нею связана. Даже мне не раз приходилось иметь с ними дела.

Цзя Юй-цунь улыбнулся и продолжал:

– Так вот, в прошлом году, когда я был в Цзиньлине, меня рекомендовали учителем в семью Чжэнь. Я поступил туда, и оказалось, что в этой богатой и знатной семье, несмотря на роскошь, царят весьма строгие нравы, и более подходящего места мне было не сыскать. Правда, с этим учеником, только начинавшим учиться грамоте, заниматься было намного труднее, чем с человеком, уже выдержавшим экзамены. Забавнее всего было то, что он всегда говорил: «Пусть со мной вместе занимаются две девочки – только тогда я смогу запомнить иероглифы и понять ваши объяснения, иначе я навсегда останусь глупым и неученым». Кроме того, он часто поучал сопровождавших его слуг: «Слово «девочка» – самое чистое и святое. Перед девочками я испытываю больше благоговения, чем перед сказочными животными и редкими птицами, чудесными цветами и необыкновенными травами. И вам, сквернословам, я запрещаю без надобности произносить это слово. Запомните! Но если без этого слова вы обойтись не можете, прежде чем произнести его, прополощите рот чистой водой или ароматным чаем! Я выбью зубы и выколю глаза каждому, кто осмелится нарушить мое приказание». Все виды жестокости и бесчеловечности сочетались в нем, но стоило ему вернуться с занятий и увидеть девочек, как облик его совершенно менялся, он становился ласковым и покорным, остроумным и изящным. За это отец несколько раз до полусмерти избивал его палкой, но так ничего и не добился. Лишь всякий раз, когда боль становилась невыносимой, мальчик начинал кричать: «сестрицы», «сестрички». Девочки над ним насмехались: «Почему это, когда тебя бьют, ты все кричишь «сестрицы» да «сестрички»? Может быть, думаешь, что мы станем просить, чтобы тебя пощадили? Как тебе не стыдно?» Отвечал он совершенно изумительно: «Всякий раз, когда мне особенно больно, стоит только воскликнуть «сестрицы», «сестрички», как мне кажется, что становится легче: вот я и обрел тайное средство – когда боль невыносима, я начинаю звать «сестричек». Ну разве не смешно? Однако бабушка до безумия любит внука и после каждого наказания бранила меня как учителя и порицала сына. Поэтому мне и пришлось отказаться от места. Подобные дети не умеют хранить наследия предков и не поддаются увещаниям своих учителей и друзей. Мне только жаль, что у этого мальчика сестры, каких редко встретишь на свете!

– В семье Цзя тоже есть три чудесных девушки, – заметил Лэн Цзы-син. – Старшая дочь господина Цзя Чжэна, по имени Юань-чунь, за мудрость и благочестие, добродетели и таланты взята в императорский дворец. Вторая барышня, по имени Ин-чунь, – дочь господина Цзя Шэ и его наложницы, третья барышня, по имени Тань-чунь, родилась от наложницы господина Цзя Чжэна; а четвертая барышня, имя которой Си-чунь, приходится родной сестренкой господину Цзя Чжэню из дворца Нинго. Старая госпожа Цзя очень любит своих внучек, они у нее в доме живут и учатся, и, как я слышал, это неплохие девочки.

– В семье Чжэнь существует странный обычай, – вставил Цзя Юй-цунь. – Там все имена девочкам дают по тем же правилам, что и мальчикам, и не пользуются такими пышными словами, как «Чунь» – «Весна», «Хун» – «Красный», «Сян» – «Благоухание», «Юй» – «Яшма». Не пойму, как попал такой банальный обычай в семью Цзя!

– Вы не совсем правы, – возразил Лэн Цзы-син. – Старшая барышня родилась в первый день Нового года, с которого начинается весна, поэтому ее и назвали Юань-чунь – Начало весны, а потом и в именах остальных дочерей стало встречаться слово «чунь». На других членах семьи этот обычай не распространяется. Приведу вам доказательство: ведь жену вашего хозяина господина Линя – родную сестру гунов Цзя Шэ и Цзя Чжэна – дома звали Цзя Минь. Если сомневаетесь, вернитесь домой и справьтесь!

– Совершенно верно! – воскликнул Цзя Юй-цунь, всплеснув руками. – Мою ученицу зовут Дай-юй. Я замечал, что иероглиф «минь» она произносит как «ми», а при написании сокращает его на одну-две черты, и меня всякий раз охватывало недоумение. Теперь, когда я услышал ваш рассказ, все сомнения разрешились. Сейчас меня не удивляет, что речь и манеры у моей ученицы совсем не такие, как у других девочек! Я давно предполагал, что мать ее из знатного рода, иначе у нее не могла бы родиться такая дочь. Раз она принадлежит к роду Жунго, то тут все ясно. Жаль только, что мать ее в прошлом месяце скончалась.

– Ведь это была самая младшая из трех сестер старшего поколения, – сокрушенно вздохнул Лэн Цзы-син. – И та умерла. Интересно, кому достанутся в жены сестры младшего поколения?

– Да, интересно, – согласился Цзя Юй-цунь. – Но если не считать сына господина Цзя Чжэна, что родился с яшмой во рту, а также его малолетнего внука, есть ли у них еще мальчики? Есть ли хоть один сын у Цзя Шэ?

– После Бао-юйя наложница господина Цзя Чжэна родила ему еще одного сына, – проговорил Лэн Цзы-син, – но я о нем ничего сказать не могу. Таким образом, пока у господина Цзя Чжэна два сына и один внук, а что будет дальше, судить невозможно. Что же касается Цзя Шэ, то у него тоже есть сын по имени Цзя Лянь. Сейчас ему двадцать лет, и вот уже четыре года как он женат на Ван Си-фын – племяннице жены господина Цзя Чжэна. Этот Цзя Лянь купил себе должность, но служебными делами не интересуется, живет в доме господина Цзя Чжэна и помогает ему по хозяйству. А когда он женился, все в доме от мала до велика стали восхищаться его женой, и Цзя Ляню пришлось уступить ей первенство. Жена его красива, бойка на язык, ловка и находчива – даже среди мужчин редко встречаются такие.

– Вот это еще раз подтверждает, что я не ошибся, – улыбнулся Цзя Юй-цунь, выслушав Лэн Цзы-сина. – Я уверен, что люди, о которых мы только что говорили, явились в мир либо как носители духа «добра», либо как носители духа «зла».

– Пусть добрые будут добрыми, а злые – злыми, – произнес Лэн Цзы-син, – не нам об этом судить. Давайте лучше выпьем по чашке вина!

– Я уже осушил несколько чашек, пока мы беседовали, – ответил Цзя Юй-цунь.

– Ничуть не сомневаюсь, – засмеялся Лэн Цзы-син. – Когда болтаешь о чужих делах, вино пьется особенно легко. Но что мешаешь выпить еще?

– Уже поздно, как бы не заперли городские ворота, – проговорил Цзя Юй-цунь, взглянув на окно. – Пойдемте вместе в город и дорогой продолжим разговор.

Оба встали и рассчитались за вино. Но едва они собрались уходить, как позади услышали возглас:

– Брат Цзя Юй-цунь, поздравляю. Я пришел сообщить тебе радостную весть.

Цзя Юй-цунь обернулся... *Если вас интересует, кого он увидел, прочтите третью главу.*

####

Глава третья, в которой речь пойдет о том, как Линь Жу-хай через своего шурина пристроил учителя и как матушка Цзя жалела свою осиротевшую внучку

Обернувшись, Цзя Юй-цунь увидел, что перед ним стоит не кто иной, как Чжан Жу-гуй – его бывший сослуживец, который одновременно с ним был снят с должности. Уроженец этой местности, Чжан Жу-гуй жил сейчас дома. Недавно он узнал, что в столице утверждено ходатайство о восстановлении в должности всех уволенных чиновников, и, случайно встретившись с Цзя Юй-цунем, поспешил высказать ему свою радость.

Они поздоровались, и Чжан Жу-гуй рассказал Цзя Юй-цуню все, что ему было известно. Обрадованный Цзя Юй-цунь, поболтав с ним, поспешил распрощаться, ибо ему не терпелось поскорее вернуться домой.

Лэн Цзы-син, слышавший весь их разговор, тотчас же посоветовал Цзя Юй-цуню попросить Линь Жу-хая, чтобы тот разрешил ему отправиться в столицу и дал рекомендательное письмо к Цзя Чжэну.

Цзя Юй-цунь прибежал домой и, схватив правительственный вестник, удостоверился, что Чжан Жу-гуй был прав.

На следующий день он отправился к Линь Жу-хаю, чтобы посоветоваться с ним.

– Счастливое совпадение, – сказал Линь Жу-хай. – Моя жена недавно покинула мир, и теща, которая живет в столице, обеспокоенная судьбой моей дочери, прислала за ней лодку. Девочка еще не совсем поправилась и пока живет у меня, но в ближайшее время я намереваюсь отправить ее в столицу. Удостоившись ваших наставлений, я до сих пор не имел возможности вас отблагодарить. Неужели я теперь не окажу вам услугу?! Откровенно говоря, все это я обдумал давно и заготовил рекомендательное письмо для вас к моему шуруну. Если только он сумеет вам помочь, я буду рад, что исполнил свой долг. О расходах вам незачем беспокоиться – я сообщил о них в письме к шуруну.

Цзя Юй-цунь низко поклонился, и слова благодарности долго не сходили с его уст.

– Нельзя ли мне узнать, какой пост занимает ваш высокий родственник? – поинтересовался он. – А то, пожалуй, при своей грубости я не осмелюсь ему представиться!

– Уж если говорить о моем родственнике, то он принадлежит к той же семье, что и вы, почтенный брат, – улыбнулся Линь Жу-хай, – ведь он внук Жунго-гуна. Старший брат моей жены имеет звание полковника первого класса – его зовут Цзя Шэ, по прозвищу Энь-хоу. Второй брат жены – Цзя Чжэн, по прозвищу Цунь-чжоу, занимает должность внештатного лана в ведомстве работ. Он скромнен и добр, не в пример другим богатым бездельникам, и по характеру во многом напоминает деда. Только поэтому я осмеливаюсь побеспокоить его своей просьбой. Если бы я этого не сделал, я запятнал бы себя и оскорбил вас.

Теперь Цзя Юй-цунь окончательно убедился, что Лэн Цзы-син был прав, и снова поблагодарил Линь Жу-хая.

– Дочь моя уезжает во второй день следующего месяца, – сказал Линь Жу-хай. – Не хотите ли вы отправиться вместе с нею? Разве это не будет удобнее для вас?

Цзя Юй-цунь был доволен и кивал головой. Затем Линь Жу-хай занялся сборами в дорогу, а Цзя Юй-цунь только принимал все, что ему предлагали.

Ученице ни за что не хотелось покидать родной дом, но бабушка настоятельно требовала, чтобы она приехала, да и сам Линь Жу-хай убеждал дочь:

– Мне уже за пятьдесят, и снова жениться я не собираюсь. Ты еще мала, много болеешь, у тебя нет матери, которая занималась бы твоим воспитанием, и нет сестер, которые могли бы за тобой ухаживать. А там возле тебя будут бабушка, двоюродные сестры, да и у меня хлопот станет меньше. Почему ты не хочешь ехать?

Выслушав отца, Линь Дай-юй в слезах поклонилась ему на прощание, вместе со своей кормилицей и несколькими пожилыми женщинами-служанками, присланными за нею из дворца Жунго, села в лодку, и они отправились в путь. Цзя Юй-цунь следовал за нею в отдельной лодке, в которой, кроме него, находилось еще двое мальчиков-слуг.

Прибыв в столицу, Цзя Юй-цунь первым делом привел в порядок парадную одежду и, захватив с собой визитную карточку, на которой значилось «родной племянник», в сопровождении слуги отправился к воротам дворца Жунго.

В это время Цзя Чжэн уже успел прочесть письмо зятя и немедленно приказал просить Цзя Юй-цуня.

Величественная внешность и изысканная речь Цзя Юй-цуня произвели на Цзя Чжэна благоприятное впечатление. Цзя Чжэн, во многих отношениях унаследовавший характер своего деда, больше всего уважал людей ученых, и даже с низшими по званию был вежлив и обходителен, стараясь помогать им в затруднительных случаях; к тому же Цзя Юй-цуня рекомендовал зять, поэтому Цзя Чжэн принял его с особенной любезностью и приложил все усилия, чтобы помочь ему. На первом же приеме у императора он добился восстановления Цзя Юй-цуня в должности. Не прошло и двух месяцев, как Цзя Юй-цунь получил назначение в область Интяньфу, попрощался с Цзя Чжэном и, выбрав счастливый для отъезда день, отбыл к месту службы. Но об этом мы здесь рассказывать не будем.

И вот Линь Дай-юй покинула лодку и сошла на берег, где ее ожидали паланкины и коляска для перевозки багажа, специально присланные за нею из дворца Жунго.

Мать часто рассказывала Дай-юй, что семья ее бабушки многим отличается от других семей. Теперь она сама убедилась, что сопровождающие ее служанки третьего класса едят и одеваются не как простые люди, и составила себе представление о той среде, в которую ей предстояло вступить. Ей казалось, что здесь нужно следить за каждым своим поступком, все время быть настороже, опасаться сделать лишний шаг или произнести лишнее слово, чтобы не вызвать насмешек.

Когда паланкин, в котором сидела Линь Дай-юй, вступил в город, она осторожно выглянула из-за шелковой занавески: на улице царил сутолока, сновали люди, по обе стороны громоздились жилые дома – все совсем не так, как в других городах. Паланкин двигался довольно долго, как вдруг на северной стороне улицы девочка заметила двух каменных львов, присевших на задние лапы, и огромные, с тремя пролетами, ворота, украшенные головами диких зверей. У ворот в ряд сидело около десятка людей в роскошных головных уборах и дорогих одеждах. Над главными воротами на горизонтальной доске красовалась сделанная крупными иероглифами надпись: «Созданный по высочайшему повелению дворец Нинго».

«Вот и дом моего дедушки», – подумала Дай-юй.

Немного западнее стояли точно такие же большие ворота с тремя входами, но это уже был дворец Жунго. Вступили в него не через главный, а через западный боковой вход.

На расстоянии примерно одного полета стрелы от входа сделали поворот, паланкины остановились, и женщины-служанки вышли из них. Четыре слуги лет семнадцати-восемнадцати, в шапках и халатах, сменив старых носильщиков, понесли паланкин Линь Дай-юй дальше. Служанки последовали за ними пешком.

У вторых ворот паланкин опустили на землю, молодые слуги с достоинством удалились, а подоспевшие женщины раздвинули занавески и помогли Дай-юй выйти.

Опираясь на руки служанок, Дай-юй вступила во вторые ворота. В обе стороны от них уходили полукругом крытые галереи, прямо напротив высился проходной зал, перед входом в который стоял мраморный экран²⁷ на ножках из сандалового дерева. Далее одна за другой следовали три небольших приемных и затем большой двор перед главным строением. Прямо впереди расположился господский дом из пяти покоев с резными балками и расписными колоннами. По обе стороны от него раскинулись флигеля с террасами, на которых были развешаны клетки с попугаями и другими редкими птицами.

На ступенях крыльца сидело несколько молодых служанок в нарядных разноцветных халатах. Едва заметив вошедших, они бросились навстречу:

– Хорошо, что вы приехали, старая госпожа только что о вас вспоминала!

Три или четыре из них бросились к двери, чтобы поднять занавес, и одновременно чей-то голос возвестил:

– Барышня Линь Дай-юй!

Линь Дай-юй вошла в дом и сразу увидела старуху с белыми, как серебро, волосами, которая шла ей навстречу, поддерживаемая под руки служанками. Дай-юй поняла, что это и есть ее бабушка, хотела поклониться ей, но старуха торопливо удержала ее, заключила в объятия и со слезами на глазах воскликнула:

– О, мое дорогое дитя!

Растроганные этой картиной, присутствующие тоже прослезились. Дай-юй не выдержала и заплакала. Все бросились ее утешать.

Наконец, Дай-юй поклонилась бабушке, и та стала знакомить ее с родными.

– Это твоя старшая тетья, – сказала она. – Это – вторая тетья. А вот жена твоего покойного старшего двоюродного брата – госпожа Цзя Чжу.

Каждой из них Дай-юй в отдельности поклонилась, а матушка Цзя продолжала:

– Позовите сюда барышень! Сегодня к нам из дальних краев приехала гостья, и они могут не ходить на занятия.

Две служанки кивнули и вышли. Вскоре явились три барышни в сопровождении трех мамок и пяти или шести девушек-служанок: первая из барышень – полненькая, среднего роста, стройная, с немного приплюснутым носом и смуглыми, как плод личжи, щеками, но, в общем, очень миловидная, держалась скромно и просто. Вторая – высокая, стройная, с узкими покатыми плечами, овальным, как утиное яйцо, лицом, с большими глазами и густыми бровями, казалось, обладала изысканными манерами и вела себя непринужденно, заставляя отбросить всякую мысль о чем-то пошлом или вульгарном. Что же касается третьей, то она была еще слишком мала. Шпильки и кольца, юбки и кофты у всех трех были одинаковы. Дай-юй встала, чтобы приветствовать их, и они представились друг другу.

Затем все снова сели, и служанки подали чай.

Разговор зашел о болезни матери Дай-юй, о лекарствах, которые она принимала, о ее похоронах. Матушка Цзя, разумеется, опять расстроилась и сказала Дай-юй:

– Из всех своих дочерей я больше всего любила твою мать. Ну как же мне печалиться, если она умерла раньше меня и в последний момент я даже не смогла ее видеть!

С этими словами она взяла Дай-юй за руку и разрыдалась. Насилу ее утешили.

Дай-юй была еще мала, но речь и манеры ее отличались изысканностью и утонченностью. По внешнему виду и некоторой вялости движений все поняли, что она нездорова. Посыпались вопросы:

– Какие ты принимаешь лекарства? Неужели до сих пор не выздоровела?

²⁷ Мраморный экран – щит, помещавшийся перед входом в дом для предохранения от злых духов, которые, согласно верованиям китайцев, могли двигаться только по прямой линии.

– Я всегда была такой, – отвечала Дай-юй. – С тех пор как я научилась есть, я все время пью лекарства. Какие только знаменитые врачи меня не осматривали! Но пользы никакой! Помню, когда мне было три года, приходил к нам один буддийский монах с коростой на голове. Он сказал, что меня надо отдать в монастырь. Но мои родители и слышать об этом не хотели. «Раз вы не в состоянии отказаться от нее, – сказал тот монах, – пожалуй, ей за всю жизнь не вылечиться. А если хотите, чтобы она поправилась, не позволяйте ей плакать, и пусть она не встречается ни с кем из родственников, кроме отца и матери – только в этом случае она благополучно проживет жизнь». Монах этот, конечно, был сумасшедший, и никто не внял его речам. И сейчас я все время пью пилюли из женьшеня.

– Вот и хорошо, – вставила матушка Цзя, – у нас как раз готовят лекарства, и я велю заготовить побольше.

Едва она произнесла эти слова, как во дворе послышался смех и кто-то сказал:

– Как поздно я пришла! Не успела встретить дальнюю гостью!

«Здесь все так сдержанны, – подумала про себя Дай-юй, – кто же это осмелился вести себя так свободно и бесцеремонно?»

Тут из внутренних покоев в сопровождении нескольких молодых и старых служанок вышла какая-то красавица. Наряжена она была не так, как девушки: расшитые узорами одежды на ней сверкали, как у феи. Сложенные узлом волосы были перевиты нитями с жемчугом и заколоты шпильками в виде пяти жемчужных фениксов, обративших свои взоры к сияющему солнцу, на шее – ожерелье с подвесками в виде свернувшихся в клубок золотых драконов; на молодой женщине была узкая атласная кофта, вытканная золотыми бабочками на фоне ярких цветов, поверх нее – накидка из темно-серого серебристого набивного шелка и креповая юбка с цветами по зеленому полю. Над треугольными, слегка раскосыми глазами изгибались брови, подобные листочкам ивы, свисавшим с ветки. Во всей фигуре женщины чувствовалась легкость и стремительность, густо напудренное лицо выглядело добродушно, и хотя алые губы были сжаты, на них играла улыбка.

Дай-юй поспешила подняться ей навстречу.

– Ты ее не знаешь? – спросила матушка Цзя. – Это наш знаменитый «перец» или «колючка», как говорят в Нанкине. Зови ее просто Фын-колючка.

Дай-юй растерялась, не зная, как назвать вошедшую, и сестры поторопились выручить ее из затруднительного положения.

– Это жена твоего второго двоюродного брата Цзя Ляня.

Дай-юй никогда не видела красавицу, но от матери часто слышала: «Сын твоего старшего дяди Цзя Шэ, по имени Цзя Лянь, женился на племяннице твоей второй тетки, урожденной Ван, которую с самого детства воспитывали, как воспитывают мальчиков, и ей дали школьное имя – Ван Си-фын».

Дай-юй тут же с улыбкой приветствовала молодую женщину и назвала ее тетушкой.

Ван Си-фын взяла Дай-юй за руку, внимательно оглядела, потом посадила рядом с матушкой Цзя и сказала:

– Право же, бывают в Поднебесной люди с такой прекрасной внешностью! А я только сейчас впервые увидела! И вид у нее не такой, как у внучки по материнской линии, она похожа скорее на внучку по мужской линии. Неудивительно, что вы все время только и вспоминали о ней! Жаль, что моей сестричке не повезло, и почему ее матушка так рано умерла?

С этими словами она поднесла к глазам платочек и вытерла слезы.

– Я едва успокоилась, а ты пришла меня расстраивать, – упрекнула ее матушка Цзя. – Да и твоя сестрица только что с дороги! Она очень слаба здоровьем, ее тоже насилу утешили. Поговорила бы лучше о чем-нибудь другом!

Печаль Ван Си-фын мгновенно сменилась весельем, она засмеялась и сказала:

– И в самом деле! Как только я увидела сестрицу, мне стало и радостно, и больно, и я совсем позабыла, что вы, бабушка, находитесь здесь. Ох и бить меня надо!

Она снова схватила Дай-юй за руку и как ни в чем не бывало спросила:

– Сколько тебе лет, сестричка? Ты, наверное, учишься? Какие пьешь лекарства? По дому не скучай! Если захочешь поесть или поиграть, скажи мне! Будешь недовольна служанками, жалуйся прямо мне!

Дай-юй кивала головой в знак согласия. Затем Ван Си-фын обратилась к служанкам и спросила:

– Внесли вещи барышни Линь Дай-юй? Сколько с нею приехало служанок? Подите сейчас же и приведите в порядок две комнаты, пусть они отдохнут.

Пока шел этот разговор, служанки внесли чай и фрукты, и Ван Си-фын пригласила всех к столу.

– Деньги слугам за этот месяц уже розданы? – спросила ее вторая тетка.

– Розданы, – ответила Ван Си-фын. – Мы со служанками только что ходили наверх искать тот самый атлас, о котором вчера говорила госпожа, но так и не нашли. Видимо, госпожа запятовала.

– Какая важность – нашли или не нашли! – заметила госпожа Ван. – Возьми два любых куска на платье сестрице. Я вечером пришлю за ними служанку.

– Я рассчитала заранее, – ответила Ван Си-фын, – зная, что сестрица приедет на днях, я все приготовила и немедленно пришлю вам посмотреть.

Госпожа Ван улыбнулась, кивнула и больше ничего не сказала.

Служанки убрали со стола, и матушка Цзя приказала двум старым мамкам отвести Дай-юй повидаться с двумя дядями – братьями ее матери.

– Позвольте мне проводить племянницу, – промолвила жена Цзя Шэ – госпожа Син, вставая с циновки, – так, пожалуй, будет удобнее.

– Хорошо, – улыбнулась матушка Цзя. – Иди, чего зря сидеть!

Госпожа Син кивнула, взяла Дай-юй за руку и попрощалась с госпожой Ван. Их проводили до вторых ворот перед проходным залом.

Слуги подали крытую синим лаком коляску с зеленым верхом, госпожа Син и Дай-юй сели в нее, и служанки опустили занавески. Затем слуги вынесли коляску на более просторное место и впрягли в нее смиренного мула.

Выехав через западные боковые ворота, коляска с госпожой Син и Дай-юй направилась к главному восточному входу дворца Жунго, миновала окрашенные черным лаком большие ворота и подъехала ко вторым внутренним воротам.

Госпожа Син вышла из коляски и, взяв Дай-юй за руку, направилась во двор. Дай-юй показалось, что здесь находится сад дворца Жунго.

Они миновали трехъярусные ворота и увидели главный дом с маленькими изящными флигелями и террасами, совершенно не похожими на внушительные, величественные строения той части дворца Жунго, где жила матушка Цзя. Двор был усажен деревьями, среди которых то там, то сям высились живописные каменные горки.

Едва они переступили порог зала, как их встретила целая толпа наложниц и служанок в нарядных платьях с дорогими украшениями.

Госпожа Син предложила Дай-юй сесть и послала служанку в кабинет пригласить Цзя Шэ.

Служанка вскоре вернулась и доложила:

– Господин велел передать, что ему нездоровится и он не выйдет, так как боится, что если он увидит барышню, то они оба расстроятся. Он просит барышню не грустить, потому что у бабушки и у тети ей будет не хуже чем дома. «Сестры ее, правда, глупы и невежественны, –

сказал он, – но все же вместе с ними ей будет веселее. Может быть, она чем-нибудь будет недовольна, пусть не стесняется и говорит».

Дай-юй встала и несколько раз почтительно кивнула. Затем посидела еще немного и стала прощаться.

Госпожа Син настойчиво просила ее остаться покушать, но Дай-юй с улыбкой ответила ей:

– Вы так любезны, тетя, что отказываться неудобно. Но мне нужно еще пойти поклониться второму дяде, и если я опоздаю, это сочтут неуважением с моей стороны. Я побываю у вас в другой раз, а сейчас, надеюсь, вы меня простите.

– Что ж, ладно, – согласилась госпожа Син и приказала двум мамкам отвезти Дай-юй обратно в коляске. Она попрощалась с девочкой, проводила ее до ворот, дала еще несколько указаний слугам и, когда коляска отъехала, вернулась в дом.

Дай-юй возвратилась в ту часть дворца Жунго, откуда приехала, вышла из коляски и увидела перед собой мощеную аллею, начинавшуюся прямо от ворот. Мамки и няньки тотчас окружили ее, повели в восточном направлении через проходной зал, растянувшийся с востока на запад, и у ритуальных ворот перед входом во двор остановились. Дай-юй снова увидела величественные строения, флигеля и сводчатые двери, но не похожие на те, которые она видела до сих пор. Только сейчас она поняла, что это и есть женские покои.

Когда Дай-юй подходила к залу, в глаза ей бросилась доска с девятью золотыми драконами по черному полю, на которой было написано: «Зал счастья и благоденствия». А под ними строка мелких иероглифов: «Такого-то года, месяца и числа сей автограф пожалован императором Цзя Юаню, удостоенному титула Жунго-гуна». Далее следовала императорская печать.

На красном столике из сандалового дерева с орнаментом в виде свернувшихся драконов стоял позеленевший от времени древний бронзовый треножник высотой в три чи²⁸, а за ним на стене висела выполненная тушью картина, изображавшая сцену ожидания приема в императорском дворце. По одну сторону картины стояла резная золотая чаша, по другую – хрустальный кубок, а на полу в ряд – шестнадцать стульев из кедрового дерева. Кроме того, в зале висела парная надпись на двух досках из черного дерева с врезанными в них золотыми иероглифами, восхвалявшая детей дома Жунго:

Рассыпаются блики небесных светил
в усеянных перлом палатах;
И блестят, точно дымка в рассветных лучах,
узоры на ваших халатах.

Ниже следовала строчка мелких иероглифов: «Собственноручная надпись, сделанная потомственным наставником Му Ши, пожалованным за особые заслуги титулом Дунъяньского вана».

Обычно госпожа Ван жила не в главном доме, а в небольшом трехкомнатном восточном флигеле, поэтому мамки провели Дай-юй прямо туда.

Возле окна на широком кане, застланном бордовым заморским ковром, стояла продолговатая красная подушка с вышитым золотыми нитками драконом и лежал большой тюфяк с рисунком, изображающим дракона на желтом фоне. По обе стороны от него стояли два маленьких лакированных столика, по форме напоминавших цветки сливы; на столике слева стоял треножник времен Вэнь-вана, а рядом с ним – коробочка с благовониями и ложечка; на столике справа стояла прекрасная, переливающаяся всеми цветами радуги Жучжоуская ваза²⁹ с

²⁸ Чи – мера длины, равная 0,32 метра.

²⁹ Жучжоуская ваза – так назывались фарфоровые вазы, выделявшиеся при династии Сун в округе Жучжоу (пров.

редчайшими живыми цветами. У западной стены стояли в ряд четыре больших стула в чехлах из красного с серебристым отливом шелка с цветами и перед ними – четыре скамеечки для ног. Справа и слева от них тоже стояли два высоких столика с чайными чашками и вазами для цветов. Остальную обстановку подробно описывать не будем.

Мамка предложила Дай-юй сесть на кан, на краю которого лежали два небольших парчовых матраца. Однако Дай-юй, зная свое положение в доме, не поднялась на кан, а опустилась на стул, стоявший в восточной стороне комнаты. Девушки-служанки тотчас налили ей чаю. Прихлебывая чай, Дай-юй с интересом разглядывала одежду и украшения служанок и, наблюдая за их движениями и манерами, думала, что эти девушки отличаются от служанок из других семей.

Не успела Дай-юй выпить чай, как к ней подошла служанка в красной шелковой кофте с оборками и синей, отороченной тесьмой безрукавке и, улыбнувшись, сказала:

– Госпожа просит барышню Линь Дай-юй к себе.

Старая мамка повела Дай-юй в юго-восточный трехкомнатный домик. Здесь прямо против входа на кане стоял низенький столик, на котором грудой лежали книги и была расставлена чайная посуда; к восточной стене была прислонена черная атласная подушка, какие обычно подкладывают под спину, чтобы удобнее было сидеть. Сама госпожа Ван, подоткнув под спину точно такую же подушку, сидела у западной стены и при появлении Дай-юй сделала ей знак сесть с восточной стороны. Дай-юй решила, что это место Цзя Чжэна, и потому, заметив перед каном три стула, покрытых раскрашенными чехлами, присела на один из них. Лишь после того, как госпожа Ван несколько раз повторила приглашение, Дай-юй, наконец, села рядом с нею.

– Твой дядя сегодня постится, – сказала ей госпожа Ван, – повидаешься с ним в другой раз. Он только велел сказать тебе, что три твоих двоюродных сестры – замечательные девочки, ты вместе с ними будешь учиться читать и писать, заниматься вышиванием. Надеюсь, вы поладите. Меня беспокоит только одно: есть здесь у нас корень всех бед и источник зол – «злой дух нашего суетного мира». Сегодня он уехал в храм и еще не вернулся, но вечером ты его непременно увидишь. Не обращай на него внимания, твои сестры тоже стараются не задирать его.

Дай-юй давно слышала от матери: «Есть у меня племянник, родившийся с яшмой во рту, страшно упрямый и непослушный, учиться не хочет и только любит баловаться в женских покоях. Но бабушка души в нем не чаёт, и никто не решается его одергивать».

Сейчас из слов госпожи Ван она сразу поняла, что речь идет о ее двоюродном брате.

– Это вы, тетя, говорите о том самом, который родился с яшмой во рту? – с улыбкой спросила она. – Мне помнится, когда я жила дома, мама часто говорила, что брата зовут Бао-юй, он на год старше меня, и хотя по-детски шаловлив, к сестрам относится очень хорошо. К тому же я, разумеется, буду жить с сестрами, а он живет с братьями совсем на другом дворе, в другом доме – какие же у меня могут быть поводы затрагивать его?

– Ты ничего не знаешь, – засмеялась госпожа Ван. – В том-то и дело, что он не такой, как другие. Пользуясь тем, что бабушка с малых лет любит и балует его, он и привык жить вместе с сестрами. Когда сестры не обращают на него внимания, он ведет себя спокойно; но стоит одной из них сказать ему лишнее слово, он приходит в такой восторг и начинает творить такие дела, что хлопот не оберешься. Поэтому я тебя предупреждаю, чтобы ты не обращала на него внимания. Он то ведет разумные речи, то вдруг на него находит какое-то затмение, и он начинает болтать всякий вздор. Ты ему не очень верь!

Дай-юй только кивала головой.

Неожиданно вошла служанка и сказала госпоже Ван:

– Старая госпожа приглашает ужинать.

Госпожа Ван заторопилась, подхватила Дай-юй под руку и вместе с нею вышла из дому через черный ход. Они прошли немного по галерее в западном направлении, вышли из нее через боковую дверь и очутились на мощеной дорожке, тянувшейся с юга на север. В южном конце ее находился небольшой зал с пристройками, а на севере дорожка упиралась в белый каменный экран, за которым скрывалась небольшая дверь маленького домика.

– Это домик твоей старшей сестры Фын-цзе, – объяснила госпожа Ван, называя Ван Си-фын именем, которым ее обычно называли дома. – Если она тебе понадобится, ты всегда можешь найти ее здесь. Если тебе что-нибудь будет необходимо, говори только ей.

У ворот двора тоже стояли наготове несколько мальчиков-слуг в возрасте, когда только начинают отпускать волосы³⁰ и собирают их в пучок на макушке.

Госпожа Ван и Дай-юй миновали проходной зал, попали во внутренний дворик матушки Цзя и вошли в дом через заднюю дверь. При появлении госпожи Ван ожидавшие здесь служанки сразу же принялись расставлять столы и стулья.

Жена Цзя Чжу, госпожа Ли Вань, подала кубки, Ван Си-фын разложила палочки для еды, и после этого госпожа Ван внесла суп. Матушка Цзя сидела на тахте, справа и слева от нее стояло четыре пустых стула. Ван Си-фын поспешно подвела Дай-юй к первому стулу с левой стороны и пригласила ее сесть. Смущенная Дай-юй стала отказываться.

– Не стесняйся, – с улыбкой сказала ей матушка Цзя, – твоя тетя и жены старших братьев кушают не здесь, а ты у нас гостя и по праву должна сидеть на этом месте.

Только тогда Дай-юй попросила разрешения сесть и опустилась на стул. Матушка Цзя велела госпоже Ван тоже занять свое место. Затем Ин-чунь и две ее сестры получили разрешение сесть. Ин-чунь села первой справа, Тань-чунь – второй слева и Си-чунь – второй справа. Возле них встали служанки с мухогонками, полоскательницами и полотенцами в руках. У стола распоряжались Ли Вань и Ван Си-фын.

В передней толпилось множество женщин и девушек-служанок, но стояла полная тишина, не слышно было даже покашливания.

Едва окончился ужин, служанки подали чай. Дома мать всегда учила Линь Дай-юй не пить чай сразу после еды, чтобы не расстроить желудок. Здесь все было иначе, но приходилось делать так, как делали остальные. Как только Дай-юй взяла чашку с чаем, служанка поднесла ей полоскательницу, и Дай-юй прополоскала рот. Потом все умыли руки, и был снова подан чай, на этот раз уже для питья.

– Вы можете уйти, – проговорила матушка Цзя, обращаясь к старшим, – а мы здесь немного побеседуем.

Госпожа Ван встала, произнесла несколько ничего не значащих фраз и вышла в сопровождении Ли Вань и Фын-цзе.

Матушка Цзя стала расспрашивать Дай-юй, какие она читала книги, и Дай-юй ей отвечала:

– Недавно прочла «Четверокнижие»³¹.

Затем Дай-юй в свою очередь спросила, какие книги прочли ее двоюродные сестры.

– Какие там книги! – махнула рукой матушка Цзя. – Они только выучили по несколько иероглифов!

Разговор был прерван, так как снаружи послышались шаги, и вслед за тем вошла служанка, доложив матушке Цзя, что пришел Бао-юй.

«Наверное, этот Бао-юй – вялый и невзрачный на вид...» – подумала про себя Дай-юй.

³⁰ По старому китайскому обычаю, малолетних детей стригли наголо; волосы отпускали только подростки.

³¹ «Четверокнижие» – канонические конфуцианские книги: «Луньюй» («Изречения»), «Дасюэ» («Великое учение»), «Чжуньюн» («Учение о середине») и Сочинения философа Мын-цзы.

Взор ее обратился к двери, и тут Дай-юй увидела перед собой стройного юношу в красной, шитой золотом и украшенной драгоценными камнями шапочке, которая придерживала связанные в пучок на макушке волосы; лоб его почти до самых бровей скрывала повязка с изображением двух драконов, играющих жемчужиной. На нем была темно-красная парчовая куртка с узкими рукавами и с рисунком из пестрых бабочек, порхающих среди цветов, перехваченная по талии вытканым цветами поясом с длинной бахромой в виде колосьев; поверх куртки была накидка из темно-зеленого японского атласа, обшитая бахромой, на ногах черные атласные сапожки на белой подошве. Лицо юноши напоминало светлую луну в середине осени и свежестью своей не уступало цветку, распутившемуся весенним утром; волосы на висках у него были гладкие и ровные, будто подрезанные ножом, брови – густые и черные, словно подведенные тушью, нос прямой, а глаза чистые и прозрачные, как воды Хуанхэ осенью. Казалось, даже в моменты гнева он улыбается, и во взгляде его всегда сквозит нежность. На шее у него сверкало ожерелье с подвесками из золотых драконов, и на шелковой тесьме, сплетенной из разноцветных ниток, висела великолепная яшма.

Дай-юй испуганно вздрогнула, и в голове у нее мелькнула мысль: «Странно! Кажется, я его уже где-то встречала! Как знакомо мне его лицо!..»

Бао-юй справился о здоровье* матушки Цзя, затем та сказала ему:

– Навести свою мать и возвращайся!

Бао-юй повернулся и вышел. Когда он возвратился, на нем был другой наряд. Волосы вокруг головы были заплетены в тонкие косички, каждая из которых заканчивалась узенькой красной ленточкой; затем все косички собирались на макушке и заплетались в одну большую черную и блестящую, как лак, косу, в которой сверкали четыре больших жемчужины и украшение из драгоценных камней в золотой оправе. Одет юноша был в серебристо-красную шелковую куртку с цветами и дымчато-зеленые штаны из набивного сатина; на ногах – черные чулки с парчовой каймой и красные туфли на толстой подошве; на шее по-прежнему висели драгоценная яшма, ладанка с именем, ожерелье и амулеты. Лицо Бао-юйя казалось густо напудренным, губы – словно накрашены помадой, взор нежный и ласковый, а на устах неизменная улыбка. Все изящество, которое способна дать природа, воплотилось в изгибе его бровей; все чувства, свойственные живому существу, светились в уголках его глаз. Во всяком случае, он обладал прекрасной, совершенной внешностью, и только трудно было разгадать, что таится под нею.

Потомки сложили о нем два стихотворения на мотив песни «Луна над Сицзяном», где с предельной точностью сказано:

Тосклив и злобен он бывает без причины,
А то чудит, словно безумие нашло.
Хотя телесное вместилище красиво,
Внутри него все сорняками заросло.

Делами сковывать себя не позволяет,
От глупости страшится книг и знаний.
С людьми не сходен, замкнут, непослушен,
А что до толков за спиной – к ним равнодушен.

И далее:

В богатстве не познав любовь к труду,
Теперь он мается, страдает в нищете.
Свой долг перед страной и семьей,

Увы, исполнить он не захотел.

Его бездарней в Поднебесной не сыскать,
История бесчестней не знавала.
Пусть все, кто сыт, богат, одет в шелка,
Его манеры не перенимают

Между тем матушка Цзя, увидев вошедшего Бао-юйя, с улыбкой спросила его:

– Зачем ты переоделся? Ведь ты еще не поздоровался с гостьей! Познакомься! Это твоя сестрица!

Бао-юй обернулся и, увидев перед собой хрупкую, прелестную девочку, сразу догадался, что это и есть дочь его тетки Линь. Он поспешно подошел и поклонился ей. Вернувшись затем на свое прежнее место, он сел и стал внимательно разглядывать Дай-юй. Она показалась ему необыкновенной, совсем не похожей на других девочек. Поистине:

Брови словно окрашены дымкой,
вроде хмурые, вроде и нет.
Пара глаз выразительно смотрит,
вроде слезы в них, вроде и нет.

В ямочках щек – потаенное горе,
Хрупкое тело охвачено хворью.
Отблеск слезы едва различим,
Шелест дыханья едва доносим.

В покое лучится она красотой
отраженного в водах цветка,
В движении же – как сносимая ветром
веточка ивы гибка.
И столь проницательно сердце ее —
мудрее, чем сердце Би-ганя*,
И столь миловиден болезненный вид —
прекрасней, чем облик Си Ши*.

Глядя на Дай-юй, Бао-юй улыбнулся и сказал:

– Эту сестрицу я уже где-то видел.

– Глупости! – проговорила матушка Цзя. – Где ты мог ее видеть?

– Может быть, и не видел, – согласился Бао-юй, – но мне кажется, мы давно знакомы и как будто встретились снова после долгой разлуки.

– Ну ладно, ладно! – махнула рукой матушка Цзя. – Это значит, что вы с ней быстрее подружитесь.

Бао-юй пересел поближе к Дай-юй, еще раз окинул ее пристальным взглядом и спросил:

– Ты уже училась, сестрица?

– Почти нет, – отвечала Дай-юй. – Всего один год ходила на занятия и выучила некоторые иероглифы.

– Как тебя зовут?

Дай-юй назвала имя.

– А второе?

– Второго имени нет, – ответила девочка.

Бао-юй засмеялся.

– Я придумую, – предложил он. – По-моему, лучше всего назвать тебя Чернобровой. Это очень красивое имя!

– Где ты нашел такое имя? – спросила его Тань-чунь.

– Недавно я читал книгу «Описание людей, живших в древности и живущих в настоящее время», – ответил Бао-юй. – Там сказано, что в западных странах имеется камень, который называется «дай» и заменяет краску для бровей. А у сестрицы тонкие, словно чем-то подведенные брови, – разве ей не подойдет такое имя?!

– Опять выдумываешь? – засмеялась Тань-чунь.

– Кроме «Четверокнижия», вообще все выдуманно, – заметил Бао-юй и спросил Дай-юй: – А у тебя есть яшма?

Никто ничего не понял. Однако Дай-юй сразу сообразила: «У него есть яшма, поэтому он задает мне такой вопрос».

– У меня нет яшмы, – ответила она. – Ведь твоя яшма – вещь очень редкая, разве она может быть у каждого?

Едва она произнесла эти слова, как Бао-юйем овладело безумие, он сорвал с шеи яшму, со злостью швырнул ее в сторону и стал возмущаться:

– Подумаешь, какая редкость! Все говорят только о ней, а меня и не вспоминают! Не нужна мне эта дрянь!

– У твоей сестрицы тоже была яшма, – прикрикнула на него матушка Цзя, – но когда умерла ее мать, она унесла яшму с собою, так как хотела сохранить память о дочери. Твоя сестрица была обязана положить в гроб вещи, которые любила ее мать, да и твоя покойная тетя при виде этой яшмы всегда будет думать, что видит дочь. Вот Дай-юй и сказала, что у нее нет яшмы – неудобно было хвалиться. Надень свою яшму, а то как бы твоя мать не узнала, что ты безобразничаешь!

С этими словами она взяла яшму из рук служанки и повесила на шею Бао-юйя. Юноша сразу притих и замолчал.

Вскоре пришла кормилица и спросила, где будет жить барышня.

– Переселите Бао-юйя в теплую комнату в моем флигеле, – сказала матушка Цзя, – пусть барышня Линь зиму проживет под голубым пологом*, а весной подыщем другое место.

– Дорогая бабушка, – сказал Бао-юй, – мне будет удобно на кровати за пологом. Зачем переезжать и беспокоить вас?

– Ну ладно, – подумав немного, согласилась матушка Цзя и распорядилась, чтобы за Дай-юй с Бао-юйем постоянно присматривали мамки и служанки, а вся остальная прислуга по ночам дежурила бы в прихожей. Ван Си-фын со своей стороны приказала людям расставить там светло-коричневый полог и перенести туда атласный матрац, парчовое одеяло и остальные постельные принадлежности.

Дай-юй привезла с собой только двух служанок: свою кормилицу мамку Ван и десятилетнюю девочку Сюэ-янь.

Сюэ-янь была еще слишком мала, а мамка Ван слишком стара, поэтому матушка Цзя сочла, что они не подходят для обслуживания Дай-юй, и отдала ей свою служанку по имени Ин-гэ. Теперь у Дай-юй, как и у Ин-чунь, кроме кормилицы, четырех мамок и двух служанок, которые ведали ее платьями, украшениями и подавали ей умываться, было еще четыре или пять девочек, подметавших комнаты и выполнявших самые разнообразные поручения.

Мамка Ван и Ин-гэ прислуживали Дай-юй под голубым пологом, а няня Ли, кормилица Бао-юйя, и старшая служанка Си-жэнь прислуживали Бао-юйю.

Си-жэнь, собственно, была служанкой матушки Цзя, и по-настоящему звали ее Хуа Жуй-чжу. Матушка Цзя любила Бао-юйя и, опасаясь, что другие служанки не смогут ему угодить, отдала внуку Жуй-чжу, которая отличалась добротой и преданностью. Бао-юй знал, что «хуа»

означает цветок. К тому же в одном древнем стихотворении он прочел фразу: «Запах цветов так и манит людей...» Поэтому, с позволения матушки Цзя, он переименовал имя служанки на Си-жэнь – Манящая людей.

Си-жэнь была преданна сверх меры: прислуживая матушке Цзя, она только о ней и думала; теперь она служила Бао-юю и думала только о Бао-юе. Юноша был избалован, Си-жэнь всякий раз усовещивала его, и если он не слушался, она искренне огорчалась. И вот вечером, когда Бао-юй и мамка Ли заснули, Си-жэнь заметила, что Дай-юй и Ин-гэ все еще не отдыхают. Она сняла с себя украшения, бесшумно вошла в комнату Дай-юй и спросила:

– Барышня, почему вы до сих пор не ложитесь?

Дай-юй тотчас же предложила ей место:

– Садитесь, пожалуйста, сестрица!

– Барышня Линь Дай-юй очень огорчена, – добавила Ин-гэ. – Она все время утирает слезы и говорит: «Я только приехала и уже успела расстроить брата. Если бы он разбил свою яшму, разве не я была бы виновата?!» Мне насилу удалось ее успокоить.

– Барышня, не убивайтесь, – проговорила Си-жэнь. – Я уверена, что вам придется увидеть кое-что более удивительное! Не стоит по всякому поводу огорчаться и расстраиваться. Не принимайте ничего близко к сердцу!

– Все, что вы сказали, сестры, я запомню, – отозвалась Дай-юй.

Они поговорили еще немного и разошлись отдыхать.

На следующее утро Дай-юй, навестив матушку Цзя, пришла к госпоже Ван. Госпожа Ван и Ван Си-фын только что прочли письмо, полученное из Цзиньлина, и о чем-то шептались с женщинами, приехавшими от старшего брата госпожи Ван.

Дай-юй ничего не поняла, но Тань-чунь и ее сестры знали, что речь идет о старшем сыне тетушки Сюэ по имени Сюэ Пань; он жил в Цзиньлине и недавно кого-то убил. Он думал, что это сойдет ему с рук, поскольку он богат и принадлежит к влиятельной семье. Но разбором его дела занялся суд области Интяньфу, и его дядя, Ван Цзы-тэн, получив об этом письмо, решил предупредить госпожу Ван, а также сообщил ей, что ее сестра с детьми едет в столицу.

Чем окончилось это дело, вы узнаете в следующей главе.

####

Глава четвертая, которая повествует о том, как юноша с несчастной судьбой повстречался с несчастной девушкой и как послушник из храма Хулумяо помог разрешить запутанное дело

Итак, Дай-юй и ее сестры пришли к госпоже Ван и услышали, что она беседует с женщинами, присланными женой ее старшего брата, и речь идет о том, что кто-то подал в суд на ее племянника Сюэ Паня, обвиняя его в убийстве. Так как госпожа Ван была занята важными делами, сестры покинули ее и отправились к вдове Ли Вань.

Эта Ли Вань прежде была женой Цзя Чжу. Цзя Чжу умер в молодых годах, но, к счастью, после него остался сын по имени Цзя Лань, которому сейчас исполнилось пять лет и он уже начал посещать школу.

Ли Вань была дочерью известного чиновника из Цзиньлина. Ее отца звали Ли Шоучжун, когда-то он занимал должность возлиятеля жертвенного вина³² в императорской академии Гоцзы-цзянь. Раньше в их роду все мужчины и женщины учились. Однако, начиная с Ли Шоучжуна, в отношении женщин стали придерживаться правила: «Чем меньше девушка талантлива, тем больше в ней добродетелей». Поэтому, когда родилась Ли Вань, ей не позволили учиться по-настоящему. Она прочла лишь «Четверокнижие для девушек» да «Жизнеописания знаменитых женщин», выучила кое-какие иероглифы и запомнила несколько имен мудрых и добродетельных женщин, живших при прежних династиях. На этом дело и кончилось. Главным занятием ее сделалось прядение и рукоделие, поэтому, собственно, ей и дали имя Вань, а прозвище – Гун-цай³³.

В ранние годы потеряв мужа, Ли Вань, несмотря на то что жила в довольстве и роскоши, исхудала, стала похожей на засохшее дерево или мертвый пепел, перестала интересоваться окружающим. Все ее внимание сосредоточилось на воспитании сына и на служении родителям покойного мужа; в свободное время она вместе со служанками занималась вышиванием или читала вслух.

Таким образом, Дай-юй хотя и жила здесь как гостя, сестры относились к ней по-дружески, и ей оставалось беспокоиться только о своем престарелом отце.

Теперь вернемся к Цзя Юй-цуню, который, как говорилось выше, получил назначение и отправился к месту службы. Едва он прибыл в Интяньфу и вступил в должность, как в суд на рассмотрение поступила жалоба: две семьи оспаривали покупку одной служанки, ни одна сторона не желала уступить, благодаря чему дело дошло до убийства. Цзя Юй-цунь немедленно распорядился* арестовать истца и доставить к нему на допрос.

– Убит был мой хозяин, – говорил истец. – В тот день он купил себе девочку, вовсе не предполагая, что покупает ее у торговца живым товаром, который похитил ее с целью продажи. Торговец получил с нас деньги, и мой молодой хозяин сказал, что третий день будет счастливым и тогда он введет девочку в дом. За это время торговец вторично продал девочку в семью Сюэ. Мы об этом узнали, бросились искать продавца, чтобы отнять у него купленную нами девочку. К несчастью, семья Сюэ принадлежит к числу цзиньлинских деспотов, пользуется огромным влиянием, и когда мы пришли, толпа здоровенных слуг набросилась на моего

³² Возлиятель жертвенного вина – чиновник, член Гоцзыцзяня. Его обязанностью было совершать возлияния вина во время принесения жертв Конфуцию.

³³ Вань – в переводе значит «тонкий белый шелк», Гун-цай – «мастерица шить».

хозяина и избивала его так, что он вскоре умер. Убийцы – хозяин и слуги его – скрылись бесследно, осталось лишь несколько человек, совершенно непричастных к делу. Целый год я подавал жалобы, но никто не пожелал заняться их рассмотрением. Прошу вас, уважаемый господин начальник, сделайте доброе дело, арестуйте злодеев, и я до конца дней своих буду благодарить вас за великую милость!

– Как это так? – возмутился Цзя Юй-цунь, выслушав его. – Убили человека и безнаказанно сбежали! Неужели никого не задержали?

Он тотчас же распорядился выдать доверительную бирку на право ареста и послать слугителей суда, чтобы те немедленно взяли под стражу семью убийцы и учинили допрос под пыткой. Но неожиданно Цзя Юй-цунь заметил, что стоящий у стола привратник глазами делает ему знак не торопиться.

В голове Цзя Юй-цуня мелькнуло подозрение, и он остановился. Покинув зал и пройдя в потайную комнату, он отпустил слуг, оставив при себе только привратника.

Когда все ушли, привратник приблизился к нему, спросил, как его здоровье, и с улыбкой сказал:

– Прошло уже почти девять лет, как вы начали подниматься по служебной лестнице, господин! Наверное, вы меня забыли?

– Лицо твое кажется знакомым, – произнес Цзя Юй-цунь. – Только не могу припомнить, где мы с тобой встречались.

– Неужели вы забыли родные места, господин? – снова улыбнулся привратник. – Вы не помните, как жили в храме Хулумяо девять лет назад?

Только сейчас у Цзя Юй-цуня в памяти всплыли события тех дней. Привратник оказался маленьким послушником из храма Хулумяо. После пожара, оставшись без крова, он принялся размышлять, как бы полегче заработать на пропитание; когда ему стало невозможно терпеть холод и стужу, он, живя во дворе храма, отпустил себе волосы и поступил привратником в ямынь. Однако Цзя Юй-цунь и подумать не мог, что это тот самый послушник!

– Так вот в чем дело! – воскликнул Цзя Юй-цунь, беря привратника за руку. – Оказывается, мы старые друзья!

Он предложил привратнику сесть, но тот отказался.

– Ведь ты был моим другом в те дни, когда я терпел бедствия и нужду, – с улыбкой сказал ему Цзя Юй-цунь. – Мы здесь одни, помещение не служебное, не стесняйся, можешь садиться.

Лишь после этого привратник осторожно присел на краешек стула.

– Почему ты мне только что делал знак не выдавать доверительную бирку на арест? – спросил Цзя Юй-цунь.

– Неужели, получив назначение, вы не переписали себе «Охранную памятку чиновника» для этой провинции? – в свою очередь спросил его привратник.

– Что это за «Охранная памятка чиновника»? – удивился Цзя Юй-цунь.

– В нынешнее время каждый чиновник, получающий должность в провинции, имеет список, куда заносятся имена и фамилии наиболее влиятельных и богатых местных шэньши, – объяснил привратник. – Так делается в каждой провинции. Если по неведению, случайно придется столкнуться с одним из подобных людей, то не только за должность и звание, но и за жизнь трудно поручиться. Вот почему такой список и называется «Охранной памяткой чиновника». Семью Сюэ, о которой только что шла речь, вы никоим образом не должны затрагивать! Нынешнее дело разрешить не сложно, и до сих пор не решено оно лишь потому, что прежние начальники ради своих личных интересов предпочитали поступиться долгом и честью.

С этими словами он вытащил из сумки переписанную им «Охранную памятку чиновника» и протянул ее Цзя Юй-цуню. Тот пробежал ее взглядом и увидел, что это всего лишь несколько пословиц и поговорок, сложенных в народе о самых могущественных и именитых здешних семьях. Там говорилось:

Род Цзя в долгах не ходит.
Чертоги их – из яшмы,
из золота – их кони.

На триста верст дворец Эфан³⁴
раскинулся, лежит.
Но даже в нем не разместить
нанкинских многих Ши.

Как в море на востоке вдруг
нефрита не достанет,
Лун-ван³⁵ к семейству Ван в Нанкин,
идет занять кровати!

А у Сюэ так что ни год,
то праздник урожая.
Им жемчуг – глина, золото – сталь;
их каждый уважает.

Цзя Юй-цунь не успел дочитать, как послышался голос:

– Почтенный господин Ван прибыл с поклоном.

Цзя Юй-цунь торопливо привел в порядок одежду и головной убор и вышел навстречу гостю. Прошло примерно столько времени, сколько требуется для того, чтобы пообедать, когда он вернулся и снова стал расспрашивать привратника.

– Четыре семьи, которые перечислены в памятке, связаны родственными узами, – рассказывал привратник, – ущерб для одной семьи – это ущерб для них всех, слава для одной – слава для всех. Тот Сюэ, которого нынче обвиняют в убийстве, принадлежит к семье Сюэ, о которой сказано: «Им жемчуг – глина, золото – сталь; их каждый уважает». Он не только пользуется поддержкой трех остальных семей, у него еще множество родственников и друзей в столице и в других местах. Кого же вы, почтенный господин начальник, собираетесь арестовывать?

– Выходит, вынести решение по этому делу невозможно? – выслушав привратника, спросил Цзя Юй-цунь с улыбкой. – Ты, вероятно, знаешь, в каком направлении скрылись убийцы?

– Не стану обманывать вас, господин, – признался привратник, – не только знаю, куда скрылись убийцы, но и того торговца живым товаром прекрасно знаю и с покойным покупателем был знаком. Если позволите, я вам все подробно расскажу. Убитый был сыном мелкого деревенского чиновника, и звали его Фын Юань. Родители его умерли, братьев у него не было, и владел он лишь небольшим состоянием, полученным по наследству. Ему было лет восемнадцать-девятнадцать, он занимался мужеложством и ненавидел женщин. Но, видимо, это было возмездием за грехи его прежней жизни, – он случайно повстречался с той девочкой, и она ему так приглянулась, что он тут же вознамерился купить ее и сделать своей наложницей. При этом он поклялся никогда больше не предаваться пороку и не брать в дом других женщин. Вот почему он отнесся к этому делу так серьезно и решил взять девочку только на третий день. И кто бы мог подумать, что торговец после этого продаст девочку в семью Сюэ? Возможно, он хотел получить деньги с обоих и сбежать; только это ему не удалось – оба покупателя поймали

³⁴ Дворец Эфан – построен по приказу императора Цинь Ши-хуана в III в. до н. э. на территории современного города Сиань, провинция Шэньси.

³⁵ Лун-ван – в китайской мифологии царь драконов, живущий на морском дне.

его и избили до полусмерти. Но никто из них не желал брать обратно деньги, каждый требовал девочку. Тогда этот Сюэ кликнул слуг, и те так избили молодого господина Фын Юаня, что на нем живого места не осталось. Его отнесли домой, и через три дня он умер. Что же касается Сюэ Паня, то он еще раньше собрался ехать в столицу и выбрал для этого счастливый день. Избив человека и отняв девочку, он вместе с семьей как ни в чем не бывало уехал своей дорогой – ему и в голову не приходило бежать. Это убийство для него пустяк, он уверен, что слуги и братья все уладят. Но не будем говорить об этом. А знаете ли вы, господин, кто та девочка, которую продали?

– Откуда же мне знать это? – удивился Цзя Юй-цунь.

Привратник усмехнулся:

– А ведь ее отец оказал вам большую милость, господин! Она дочь господина Чжэнь Шиня, который жил возле храма Хулумяо, и ее детское имя – Ин-лянь.

– Так это она! – воскликнул пораженный Цзя Юй-цунь. – Я слышал, что ее похитили в пятилетием возрасте. Неужели ее продали лишь год тому назад?

– Торговцы живым товаром крадут только малолетних детей, кормят их лет до двенадцати-тринадцати, а затем уводят в другие места и там продают, – пояснил привратник. – В детстве Ин-лянь часто приходила играть в наш храм, поэтому мы все хорошо ее знали. За семь или восемь лет она успела вырасти, похорошела, но внешностью не очень изменилась, и я легко ее узнал. К тому же у нее между бровями было родимое пятнышко величиной с рисовое зерно. Торговец снимал комнату у меня в доме, и в его отсутствие я часто разговаривал с девочкой. Она была забита и запугана, ничего не осмеливалась говорить и только твердила, что торговец – ее отец и продает ее лишь потому, что ему негде взять денег для уплаты долга. Я пытался задобрить ее, но она принималась плакать и говорила: «Я не помню, что со мной было, когда я была маленькой!» Конечно, сомневаться тут не в чем. И вот в один прекрасный день ее увидел Фын Юань и купил. Когда он заплатил деньги, торговец напился пьяным, а Ин-лянь, облегченно вздыхая, говорила: «Наступил день искупления моих грехов!» Но узнав затем, что ей только через три дня предстоит перейти в новый дом, она вновь сделалась грустной. Я не выдержал и, когда торговец ушел, послал жену утешить девочку: «Господин Фын Юань непременно хочет дождаться счастливого дня, чтобы взять тебя к себе в дом, – говорила жена, – а это значит, что он будет обращаться с тобой не как со служанкой. Он человек состоятельный и не повеса; он ненавидел женщин, и если сейчас не постоял за тобой, чтобы купить тебя, все должно быть ясно без слов. Потерпи еще денька два-три, зачем грустить?» Услышав такие речи, девочка немного успокоилась и решила, что отныне у нее будет постоянное пристанище. Но в Поднебесной случаются самые неожиданные вещи. На следующий день торговец продал ее в семью Сюэ. Хоть бы куда-нибудь в другое место, а то к этому Сюэ Паню, которому дали кличку «глупый деспот». Это первый сумасброд на всю Поднебесную и деньгами швыряется, как песком. Он так избил Фын Юаня, что того утащили полумертвого, а сам уехал и увез Ин-лянь, так что о дальнейшей судьбе девочки мне ничего не известно. Остается лишь пожалеть о Фын Юане, которому не повезло: и деньги зря истратил, и жизни лишился!

– Все это далеко не случайно! – вздохнул Цзя Юй-цунь. – Это ему возмездие за грехи, которые он совершил в прежней жизни! Иначе почему Фын Юаню понравилась именно Ин-лянь? Да и Ин-лянь несколько лет терпела жестокое обращение со стороны торговца, пока перед нею открылся путь к покою и счастью. Она девочка добрая, и было бы замечательно, если б они соединились. Нужно же было, чтобы произошла такая история! Пусть даже семья Сюэ богаче и знатнее семьи Фын, но подумать только, что это за люди! Сюэ Пань безудержно распутствует, наложниц у него хватает, и я уверен, что он не стал бы хранить верность одной женщине, как Фын Юань. Поистине, так преопределила судьба, пожелавшая, чтобы несчастный юноша встретился с не менее несчастной девушкой. Однако довольно болтать, надо подумать, какое решение вынести по этому делу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.